Культурныя сокровища Россіи.

ВЫПУСКЪ ДЕВЯТЫЙ.

ЮРІЙ ШАМУРИНЪ.

ПОДМОСКОВНЫЯ.

 Книга вторая.

Изданіе Т-ва «ОБРАЗОВАНІЕ».

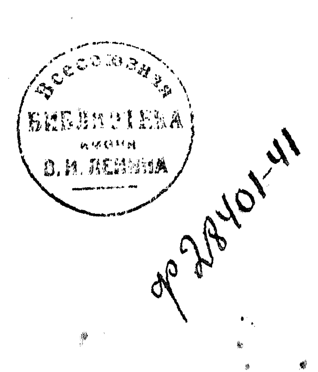
Москва.

1914.

Фото-тинто-гравюра Т-ва Образованіе.

Д. ДЖИЛЯРДИ. БЕСѢДКА ВЪ ПАРКѢ НАЙДЕНОВЫХЪ НА САДОВОЙ ЗЕМЛЯНОМЪ ВАЛУ. 1820-Е ГОДЫ.

МОСКВА.
Типографія РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА, Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. домъ.
Телефонъ 18-35.

Успѣхъ моей книги «Подмосковныя», разошедшейся въ теченіе перваго же года, свидѣтельствуетъ о значительномъ интересѣ къ недавнему прошлому русской культуры. Надо думать, что не окажется излишнимъ дальнѣйшее ознакомленіе читающаго общества съ подмосковными усадьбами. Большая часть ихъ до сихъ поръ не опубликована и извѣстна, быть-можетъ, только немногимъ спеціалистамъ.

Художественный и историческій интересъ усадебъ не исчерпывается такими вершинами, какъ Останкино, Архангельское и Кузьминки. Каждая подмосковная обладаетъ своеобразнымъ архитектурнымъ обликомъ, каждая открываетъ новыя страницы прошлаго творчества и жизни, разсказываетъ свою самостоятельную повѣсть...

Кучукъ-Кайнарджи и Суханово, Черемушки и Нескучное — все это совершенно различныя главы одной обширной книги.

Въ эту книгу, отданную преимущественно рубежу XVIII-го и XIX-го вѣковъ, включены двѣ усадьбы XVII-го вѣка — Коломенское и Измайлово. Онѣ нужны для контраста, ярко оттѣняющаго особенности жизни и творчества XVIII-го вѣка. Кромѣ того, ихъ объединяетъ и связь исторической преемственности: тѣмъ, чѣмъ было Коломенское для мастеровъ XVII-го вѣка, стали Архангельское и Останкино для художниковъ XVIII-го...

Петровско-Разумовское.
Октябрь 1913 года.

XVII вѣкъ.

Каждая эпоха архитектурнаго расцвѣта знаетъ двѣ разновидности строительнаго творчества—городскую и «сельскую». Въ городѣ архитекторъ получаетъ гладкую площадь, и весь эффектъ своего произведенія основываетъ на его чисто архитектурныхъ достоинствахъ. Единственное условіе, съ которымъ всегда считается чуткій и зрѣлый художникъ, — стиль, характеръ окружающихъ зданій: городское строеніе—частица огромнаго цѣлаго, и безъ взаимоотношенія съ этимъ цѣлымъ кажется чѣмъ-то случайнымъ и ненужнымъ. Въ городѣ природа не даетъ художнику - строителю никакихъ вспомогательныхъ рессурсовъ: архитектура остается самовладѣющимъ искусствомъ.

Въ «сельскихъ» постройкахъ, имѣющихъ «плѣнительнымъ» фономъ природу, архитектурная красота зданія усиливается и выдѣляется цѣлымъ рядомъ постороннихъ средствъ: тотъ или другой рельефъ поверхности, зелень, вода, открытая даль — все это усложняетъ задачи строителя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и даетъ ему богатыя эстетическія возможности...

Человѣчество очень давно поняло прелесть союза природы и художественнаго творчества. Загородныя виллы Рима, средневѣковые замки, дворцы барокко, барскія усадьбы эпохи классицизма— составляютъ отвѣтвленіе того устремленія архитектуры, которое въ концѣ XVIII-го вѣка получило наименованіе «сельской архитектуры». Характернымъ признакомъ, отличающимъ ее отъ городского строительства, является использованіе природныхъ условій, приспособленіе къ пейзажу. Сюда относятся римскія виллы. Римскіе художники являются создателями «сельской» архитектуры.

Въ послѣдующіе вѣка «сельское» строительство появляется всякій разъ, когда океанъ исторіи поднимаетъ на своихъ гребняхъ классъ утон-

ченныхъ, пресыщенныхъ матеріальными и культурными благами людей; въ такія эпохи утонченности возникаетъ эстетическая тяга къ природѣ, создается сельское строительство. Такъ родились загородные дворцы Византіи, отчасти замки средневѣковья, больше впрочемъ заботившіеся о безопасности, чѣмъ о наслажденіи жизнью.

Особенный расцвѣтъ сельскаго строительства создаетъ Италія XV и XVI-го вѣковъ. Далѣе слѣдуютъ барочные дворцы съ ихъ подстриженными парками, наконецъ—усадьбы эпохи классицизма.

Въ Россіи «сельская архитектура» долго не существовала уже по одному тому, что не было города, создающаго контрастъ съ природой. Боярскія усадьбы, существовавшія вокругъ Москвы въ XVII-мъ вѣкѣ, не оставили никакихъ слѣдовъ, кромѣ великолѣпныхъ церквей, единственыхъ каменныхъ сооруженій вотчины. Безхитростные рисунки иностранныхъ путешественниковъ показываютъ, поскольку, конечно, можно имъ вѣрить, что боярскія вотчины состояли изъ обычныхъ для древней Руси деревенскихъ построекъ, нѣсколько болѣе пышныхъ и обширныхъ.

Типичная усадьба находилась въ с. Архангельскомъ, принадлежавшемъ кн. Голицынымъ. Намъ она извѣстна по описи 1737-го года, но опись упоминаетъ «старый дворъ помѣщиковъ». То были «деревянныя хоромы, состоявшія изъ 3 небольшихъ свѣтлицъ, собственно избъ, восьмиаршинныхъ, соединенныхъ сѣнями. Внутреннее убранство ихъ было просто. Въ переднихъ углахъ иконы, у стѣнъ лавки, печка изъ желтыхъ изразцовъ; въ одной свѣтлицѣ было 2 окна, въ другой—4, въ третьей—5; въ окнахъ стекла въ свинцовыхъ переплетахъ, столы дубовые, 4 кожаныхъ стула, еловая кровать съ периною и подушкою въ пестрединныхъ и выбойчатыхъ наволокахъ и т. п. При свѣтлицахъ—баня, а на дворѣ, огороженномъ рѣшотчатымъ заборомъ, разныя службы—поварня, погребъ, ледникъ, амбаръ и житницы съ хозяйственными запасами...» [1]).

Конечно, той тяги къ природѣ, которую мы замѣчаемъ въ пресыщенныхъ людяхъ Запада, въ Москвѣ XVII-го вѣка быть не могло: сельскія постройки были не «Эрмитажами», не «Пріютами музъ и грацій», а всего только уютнымъ лѣтнимъ жильемъ. Тѣмъ не менѣе, на основаніи нѣсколькихъ сохранившихся памятниковъ, можно утверждать, что русскіе мастера XVII-го вѣка умѣли различать заданія городского и сельскаго строительства. Конечно, не въ смыслѣ созданія новыхъ художественныхъ образовъ, а только въ смыслѣ приспособленія къ условіямъ мѣста.

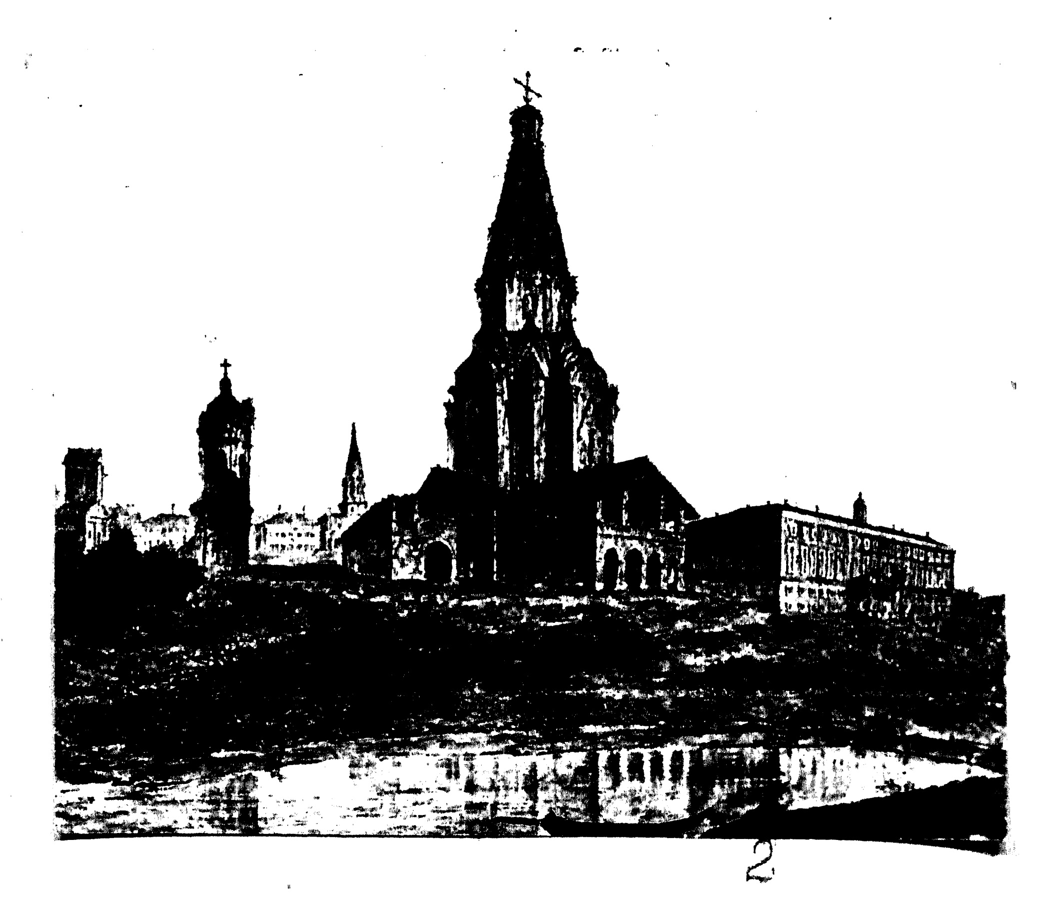
Подъ Москвой сохранились остатки двухъ богатыхъ усадебъ XVII-го вѣка—Коломенскаго и Измайлова. Сохранность ихъ, правда, весьма печальная: уцѣлѣли только церкви, да нѣсколько башенъ, исчезли дворцы, сады, многочисленныя службы. Но эти остатки, дополняемые литературными сви-

---

[1]) *И. Е. Забѣлинъ*. Опыты по исторіи р. древностей. Т. II. стр. 232.

дѣтельствами, даютъ полную картину боярскаго подмосковнаго помѣстья XVII-го вѣка. Однако нельзя упускать изъ вида, что какъ Измайлово, такъ и Коломенское, находились въ исключительныхъ условіяхъ: Измайлово, родовая вотчина Романовыхъ, обстраивалось уже царями—Алексѣемъ Михайловичемъ и Θеодоромъ Алексѣевичемъ; Коломенское же съ очень раннихъ временъ было собственностью московскихъ князей и служило загороднымъ дворомъ. Несомнѣнно, что ни одно боярское помѣстье не обладало такими обширными и многочисленными каменными постройками, но разница не такъ ужъ безпредѣльна.

Разница эта болѣе количественная, чѣмъ качественная. Въ боярскихъ вотчинахъ не было такихъ огромныхъ дворцовъ, но типъ деревянныхъ палатъ оставался тотъ же. Не было каменныхъ башенъ и воротъ, но близкія къ нимъ деревянныя ограды съ башнями окружали крупнѣйшія вотчины. Главное отличіе въ томъ, что увлеченіе пышностью, создавшее ослѣпительную красочность Коломенскаго дворца, гораздо медленнѣе и слабѣе захватывало бояръ. Однако и въ боярскихъ вотчинахъ во второй половинѣ XVII-го вѣка появляется европейская мебель, картины, строятся «аранжереи», усложняется типъ усадебныхъ построекъ. Все это первые робкіе подступы того бытового уклада, который цѣлостно сложился въ серединѣ XVIII-го вѣка.

I. Коломенское [1]).

Коломенское стоитъ на высокомъ берегу Москвы-рѣки. Издали видны только оригинальныя церкви и вышки башенъ, окруженныя густыми старыми деревьями. Весь обликъ обычнаго подмосковнаго пейзажа, но только необычайныя формы церквей говорятъ, что это памятное историческое мѣсто. Надъ Коломенскимъ высится бѣлая церковь Вознесенія—одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ русскаго церковнаго зодчества XVI-го вѣка. Лѣвѣе ея виднѣется небольшая колокольня, и еще лѣвѣе, почти скрытая деревьями, Водовзводная или Соколиная башня. За церковью Вознесенія видны заднія ворота бывшаго коломенскаго дворца, съ позднѣйшими служебными корпусами по сторонамъ. Правѣе выглядываетъ изъ-за деревьевъ церковь Казанской Божіей Матери. Вотъ и все, что сохранилось отъ древняго Коломенскаго. Не видны отъ Москвы-рѣки только переднія ворота дворца, находящіяся за церковью Казанской Божіей Матери.

Значительно лѣвѣе виднѣется церковь Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи въ селѣ Дьяковѣ. Церковь эта, такой же важный архитектурный памятникъ, какъ и церковь Вознесенія, построена нѣсколькими годами раньше ея, и связана съ Коломенскимъ общей судьбой, такъ какъ Дьяково тоже было вотчиной московскихъ князей.

Уже Іоаннъ Калита владѣлъ Коломенскимъ. Оно упоминается въ его духовной грамотѣ: «А се далъ сыну своему Андрею... село Коломнинское...» Въ послѣдующіе вѣка Коломенское всегда оставалось «за государемъ». Есть косвенныя указанія, что уже въ началѣ XVI-го вѣка здѣсь существовалъ загородный государевъ дворъ. Неоднократно упоминается о пребываніи московскихъ царей въ Коломенскомъ; та любовь, съ которой сооружаются храмы здѣсь и въ сосѣднемъ Дьяковѣ, оригинальность ихъ формъ — все это говоритъ о любовномъ вниманіи къ этой государевой вотчинѣ.

Кромѣ того Коломенское являлось надежнымъ стратегическимъ пунктомъ, защищавшимъ Москву съ юга, со стороны татаръ; оно постоянно упоминается въ лѣтописныхъ описаніяхъ вражескихъ нашествій и московской обороны. Такъ 11 августа 1533-го года «пришла къ великому князю вѣсть съ поля», разсказываетъ Софійскій временникъ, «что къ Рязани

[1]) Въ 2 верстахъ отъ станціи Перерва, Моск.-Курской ж. д.

идутъ люди Крымскые, въ головахъ у нихъ царь Саинъ Кирей да Исламъ царевичъ, со многими людьми, Московскіе земли воевати...» Великій князь, отпустивъ воеводу въ Коломну на берега Оки и поставивъ въ Кремлѣ пушки, «съ княземъ Юрьемъ и Андреемъ Ивановичемъ пойде съ Москвы противу безбожныхъ татаръ на Коломну въ пятокъ на Оспожинъ день и пришедъ ста въ своемъ селѣ Коломенскомъ».

Главный форпостъ Москвы, Коломенское становится мѣстомъ дѣйствія всѣхъ политическихъ треволненій московскаго государства. Въ 1606 году здѣсь расположились мятежники Болотниковъ, Пашковъ, Ляпуновъ и пр. Митрополитъ Филаретъ въ своей грамотѣ упоминаетъ Коломенское: «Забывъ страхъ Божій, и часъ смертный, и судный страшный день, пришли къ царствующему граду Москвѣ, въ Коломенское, и стоятъ и разсылаютъ воровскіе листы по городамъ и велятъ вмѣщати въ шпыни и боярскіе и дѣтей боярскихъ люди и во всякихъ воровъ всякіе злые дѣла на убіеніе и на грабежъ и велятъ цѣловати крестъ мертвому злодѣю и прелестнику, а сказываютъ его проклята жива.» [1]).

Въ XVII-мъ вѣкѣ Коломенское становится лѣтнимъ мѣстопребываніемъ царей, мѣстомъ ихъ охотничьихъ потѣхъ и хозяйственныхъ заботъ. Однако тревожная московская жизнь бросаетъ и сюда свои кровавыя волны!

Въ 1670 году загорается въ Москвѣ бунтъ. Алексѣй Михайловичъ же въ это время находился въ Коломенскомъ и слушалъ обѣдню. Мятежная толпа пришла къ царю и просила выдать неугодныхъ бояръ «на убиение». «И царь ихъ уговаривалъ тихимъ обычаемъ, чтобъ они возвратились и шли назадъ къ Москве... и тѣ люди говорили царю и держали его за платье за пуговицы: «чему де вѣрить?» И царь обѣщался имъ Богомъ, и далъ имъ на своемъ словѣ руку, и одинъ человѣкъ изъ тѣхъ людей съ царемъ билъ по рукамъ и пошли къ Москвѣ всѣ», разсказываетъ современникъ Григорій Котошихинъ [2]).

Затѣмъ мятежники снова вернулись въ Коломенское: «...и они учали царю говорить сердито и невѣжливо, зъ грозами: «будетъ онъ добромъ имъ тѣхъ бояръ не отдастъ, и они у него учнутъ имать сами, по своему обычаю». Царь видя ихъ злой умыслъ... і видя, что стрелцы къ нему на помочь въ село пришли, закричалъ и велѣлъ столникомъ, и стряпчимъ, и дворяномъ, и жилцомъ, и стрелцомъ, и людемъ боярскимъ, которые при немъ были, тѣхъ людей биті и рубиті до смерті и живыхъ ловиті. И какъ ихъ почали біть, и сѣчь, и ловить, а имъ было противиться не умѣть, потому что въ рукахъ у нихъ не было ничего ни у кого, почали бѣгать и топитися въ Москву реку, и потопилося ихъ въ рекѣ болши 80 человѣкъ, а пересѣчено и переловлено больши 7000 человѣкъ, а иные розбе-

---

1) «Акты Археограф. комиссіи», т. II.

2) «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича». С.-Пб., 1906 г.

жались. И того же дни около того села повѣсили около 78 человѣкъ; а досталнымъ всѣмъ былъ указъ, пыталі и жгли, и по сыску за вину отсѣкалі руки и ноги, и у рукъ и у ногъ палцы, а иныхъ, бивъ кнутьемъ, и клалі на лицѣ на правой сторонѣ признаки; розжегши желѣзо накрасно, а поставлено на томъ железе «буки», то-есть, бунтовщикъ, чтобъ онъ былъ до вѣку прізнатенъ; и чиня имъ наказания, разослали всѣхъ въ далние городы, въ Казань, і въ Астрахань, и на Терки, і въ Сибирь, на вѣчное житье... а инымъ пущимъ воромъ того жъ дни, въ ночі, учиненъ указъ: завязавъ руки назадъ, посадя въ болшие суды, потопили въ Москвѣ рекѣ...»

Такъ на всемъ протяженіи XVI-го и XVII-го вѣковъ въ идиллическую исторію Коломенскаго, пестрящую декоративными царскими выходами, охотничьими потѣхами и праздничными пирами, врываются кровавыя страницы! И страшной легендой кажутся онѣ теперь въ Коломенскомъ, на отлогомъ берегу Москвы рѣки, у Бѣлой церкви, съ галлерей которой далеко видны заливные луга: «...мѣсто зѣло весело и хорошо видѣти поля далече и видѣть вся Москва, монастыри, на Москву реку, подъ самымъ дворомъ текущую» [1]...

Въ XVIII-мъ вѣкѣ Коломенское опустѣло, но его долгая исторія спасла его отъ забвенія. Этому способствовала въ большой степени и возникшая въ серединѣ XVIII-го вѣка легенда о рожденіи Петра Великаго въ Коломенскомъ дворцѣ. А. Сумароковъ посвятилъ Коломенскому восьмистишіе на эту тему:

Россійской Виѳлеемъ, Коломенско село,
Которое Петра на свѣтъ произвело...

Сумароковъ сопроводилъ стихотвореніе своими историческими домыслами, и, сообразно съ духомъ времени, назвалъ основателемъ села Коломенскаго «римлянина, по имени Карла Колона!» [2]).

Наиболѣе древней постройкой въ урочищѣ Коломенскаго является Дьяковская церковь Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи. Вмѣстѣ съ церковью Вознесенія она представляетъ интереснѣйшую эпоху въ исторіи русскаго искусства, время наибольшихъ исканій, первую половину XVI-го вѣка. Пестрая, затѣйливая, богато украшенная, совершенно необычная среди древнихъ московскихъ церквей, она кажется такимъ же капризомъ, случайностью, какой долго казался соборъ Василія Блаженнаго. Не даромъ людямъ начала XIX-го вѣка казалось, что Дьяковская церковь образецъ

---

[1]) Донесеніе польскихъ пословъ Яна Гнинскаго и Кипріана Бжостовскаго королю Михаилу Вишневецкому отъ 27 февраля 1671 года.

[2]) «Трудолюбивая пчела». 1759 г. Апрѣль.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе“.

ДЖ. КВАРЕНГИ. ПАНОРАМА КОЛОМЕНСКАГО ВЪ КОНЦѢ XVIII-ГО ВѢКА. (ИМПЕРАТОРСКІЙ ЭРМИТАЖЪ.)

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе“.

ДЖ. КВАРЕНГИ. ПАНОРАМА КОЛОМЕНСКАГО ВЪ КОНЦѢ XVIII-ГО ВѢКА (ИМПЕРАТОРСКІЙ ЭРМИТАЖЪ).

«индійско-мавританскаго зодчества», подобно тому какъ Василій Блаженный произведеніе «индійско-готическое»!

Дьяковская церковь поставлена по обѣту великимъ княземъ Василіемъ III, молившимъ у Бога себѣ наслѣдника.

Въ началѣ XVI-го вѣка въ Москвѣ совершается громадная художественная работа: итальянскими мастерами только что выстроены въ Кремлѣ Успенскій и Архангельскій соборы; упроченъ новый типъ собора, съ положенными въ основу формами владимірскихъ храмовъ; нахлынула масса новыхъ формъ и пріемовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтено необходимое мастерство и нѣкоторая сознательность творчества, въ смыслѣ свободы отъ традицій. Кромѣ новыхъ кремлевскихъ соборовъ, въ Москвѣ почти нѣтъ каменныхъ храмовъ, и самыми привычными, самыми «благолѣпными» и понятными эстетическому чувству москвича являются развитыя формы деревянныхъ церквей: ихъ острые шатры, ихъ многочисленные придѣлы и паперти, связанныя въ одно цѣлое, ихъ закомары и многочисленныя главы—все это любитъ мастеръ Дьяковской церкви и дѣлаетъ смѣлую попытку перенести формы деревяннаго зодчества на камень.

Для насъ церковь Дьякова одинока, и ея строитель кажется геніемъ, благодаря своему отважному новаторству, опредѣлившему дальнѣйшее направленіе церковнаго строительства. Возможно, что многія звенья переноса деревяныхъ формъ къ каменному зодчеству, утрачены временемъ: тогда новаторство мастера Дьяковской церкви уже не такъ дерзко!

Свойства строительнаго матеріала клали предѣлъ размѣрамъ деревяннаго храма. Каждый придѣлъ, а число ихъ нерѣдко превышало пять, требовалъ отдѣльнаго сруба: такимъ образомъ деревянный храмъ представлялся соединеніемъ цѣлаго ряда небольшихъ церквей, каждая при этомъ съ отдѣльнымъ входомъ. Строитель Дьяковскаго храма вокругъ главной столпообразной церкви расположилъ четыре придѣла по угламъ, соединилъ ихъ открытыми ходовыми галлереями; получился сложный, довольно компактный храмъ, при чемъ каждая часть, внося свою лепту въ красоту цѣлаго, живетъ и самостоятельною жизнью. Церковь осталась пятиглавой, какъ того требовала традиція, но кажется искусно слѣпленной изъ пяти отдѣльныхъ столповъ. Уступчатые кокошники, несущіе главу и необходимые въ деревянномъ зодчествѣ, мастеръ превратилъ въ декоративные элементы, и при помощи ихъ достигъ сказочнаго богатства верховъ церкви. На западной стѣнѣ онъ помѣстилъ островерхую звонницу, форму выработанную псковичами, но придалъ ей по-московски нарядную обработку.

Хотя свою теперешнюю пеструю раскраску, Дьяковская церковь получила позднѣе, повидимому во второй половинѣ XVII-го вѣка, въ ней нашелъ себѣ первое по времени выраженіе чисто московскій идеалъ пышной нарядности и затѣйливости, расцвѣтшій въ XVII-мъ вѣкѣ. Въ массахъ дьяковскому мастеру удалось сохранить суровый, немного грузный покой

ранней Москвы, но въ декораціяхъ храма онъ ищетъ безконечнаго разнообразія, богатства, щедраго обилія линій и красокъ. Можетъ-быть, въ этомъ стремленіи его поддерживалъ характеръ ранне-московскихъ деревянныхъ церквей, но однако сохранившіеся на сѣверѣ деревянные храмы XVII-го и XVIII-го вѣковъ овѣяны сдержанной, суровой красотой. Повидимому уже въ началѣ XVI-го вѣка, несмотря на усиленное творчество итальянскихъ мастеровъ въ Москвѣ, въ душѣ москвича звучали какія-то восточныя струны, съ ихъ густо насыщенной узорной красотой!..

Интересно отмѣтить, что въ соборѣ Василія Блаженнаго много заимствованій отъ Дьяковской церкви, но такъ же много и отличій. Все это характеризуетъ первую половину XVI-го вѣка, какъ эпоху, еще не выработавшую прочныхъ традицій въ церковномъ зодчествѣ, и открывавшую широкій просторъ индивидуальности мастеровъ.

XVI-й вѣкъ въ художественной жизни Москвы поражаетъ многосторонностью своихъ исканій, ихъ свободой и новизной. Все, что оставила эта богатая эпоха не только въ архитектурѣ, но и въ иконописи, и особенно въ области прикладного искусства, создаетъ яркій образъ. Тотъ синтезъ Запада и Востока, который часто представляется стихіей русскаго творчества, вылился въ XVI-мъ вѣкѣ въ такія гармоничныя и зрѣлыя формы, какихъ не было ни раньше, ни позднѣе!

Въ XVII-мъ вѣкѣ каждое художественное произведеніе является повтореніемъ общаго типа, рѣдко—разновидностью. Въ XVI-мъ же вѣкѣ каждая церковь, каждая писаная или шитая икона—самостоятельное созданіе, не скованное традиціями. Церковь въ Дьяковѣ и почти одновременно съ ней построенная Вознесенская церковь въ Коломенскомъ,—совершенно различные архитектурные образы...

Вознесенская церковь въ Коломенскомъ, такая отличная, особенно при мимолетномъ впечатлѣніи, отъ Дьяковской, поставлена всего на три года позднѣе, въ 1532 году. Ее поставилъ отецъ Грознаго, тотъ же князь Василій Ивановичъ. Освященіе церкви совершалось съ большимъ торжествомъ: въ Коломенскомъ у великаго князя три дня пировали митрополитъ съ соборомъ духовенства, братья княжескіе и бояре [1]). Лѣтописецъ восторженно отзывается о церкви: «Бѣ же та церковь вельми чудна высотою и красотою и свѣтлостью, якова не была прежде того на Руси... И понеже князь Великій Василій Ивановичъ, Государь всея Руссіи, возлюби ю того ради и украси всякою добротою, якоже достоитъ святѣй Божіей церкви...

Коломенская церковь кажется еще болѣе необычной, чѣмъ Дьяковская. Она еще болѣе прямолинейно воспроизводитъ формы деревяннаго

---

[1]) *И. Забѣлинъ*. Домашній бытъ русскихъ царей. Т. I. М. 1895 г.

зодчества: это первая шатровая церковь, послужившая прототипомъ для многочисленныхъ сооруженій этого рода въ московской области. Въ декоративной обработкѣ Коломенской церкви можно найти слѣды вліянія Алевиза, строителя Архангельскаго собора, принесшаго въ Москву много «фряжскихъ» пріемовъ наружной обработки храмовъ. Все же архитектурныя ея формы—плодъ вполнѣ самобытнаго творчества; даже столь прочное вліяніе византійскаго храмового типа съ алтарными выступами, столбами и сводами, здѣсь не имѣетъ мѣста: крестовый планъ церкви, ничѣмъ не выдѣляющій алтарную восточную сторону, выработанъ безымянными строителями деревянныхъ церквей.

Церковь стоитъ на подклѣтѣ. Ее окружаетъ открытая галлерея на столбахъ, широко раскинутая со своими тремя крыльцами; эта галлерея отлично смягчаетъ переходъ отъ высокихъ вертикальныхъ боковъ центральнаго шатра къ землѣ. Плоская крыша на галлереѣ и поддерживающіе ее столбы устроены позднѣе и нѣсколько искажаютъ замыслъ строителя, скрадывая пропорціи шатра.

Очень сложная въ смыслѣ архитектурномъ, поражающая мастерствомъ въ разрѣшеніи трудныхъ конструктивныхъ задачъ, Вознесенская церковь не волнуетъ. Можетъ-быть, благодаря новизнѣ и разновременности ея внутренняго убранства. Она не выразительна, въ ней не чувствуется трепета живой человѣческой души, одухотворяющей совершенныя произведенія искусства. Такое бездушіе, отсутствіе опредѣленнаго религіознаго образа, характерно для всего церковнаго строительства старой Москвы, въ противность Новгороду, Ярославлю, сѣверу съ его деревянными церквами...

Сзади алтаря у восточной стѣны церкви устроено, по преданію царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, каменное «царское мѣсто». Съ него открывается широкій кругозоръ рѣки и луговъ. Отсюда царь слѣдилъ за охотничьей потѣхой и воинскими упражненіями.

Отъ первоначальнаго убранства и утвари въ Коломенской церкви сохранилось сравнительно мало. Иконостасъ новый, но въ него вставлены древнія царскія двери. Въ церкви хранится великолѣпная древняя плащаница первой четверти XV-го вѣка [1]).

Алтарная стѣна была расписана, но толстый слой штукатурки скрылъ древнюю роспись; однако слѣды ея были замѣтны еще въ серединѣ XIX-го столѣтія [2]).

Третья церковь Коломенскаго—во имя Казанской Божьей Матери—поставлена царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1649—50 году, хотя начата постройка еще при Михаилѣ Θеодоровичѣ въ память избавленія

---

[1]) *П. Кротковъ.* Плащаница митрополита Фотія въ Вознес. церкви. М. 1864 г.

[2]) А. *Корсаковъ.* Село Коломенское. Стр. 78.

Москвы отъ поляковъ. Ставилъ церковь дворцовыхъ плотниковъ староста Смирной Ивановъ. Эта церковь—обычнаго московскаго типа XVII-го вѣка. Пять главъ на высокихъ барабанахъ, обильныя кирпичныя украшенія по стѣнамъ, вокругъ оконъ и по карнизамъ, шатровая колокольня, крыльцо на столбахъ, паперть на сводахъ, соединяющая придѣлы,—все это мы встрѣчаемъ на многочисленныхъ церквахъ этой эпохи въ самой Москвѣ. Казанская церковь была домовой царской церковью. Особые переходы соединяли ее съ дворцомъ. Называли ее церковью «Богородицы Казанскія въ Коломенскомъ селѣ въ государевомъ дворцѣ».

Наконецъ, четвертая церковь въ Коломенскомъ—св. Георгія освящена въ 1678 году. Она долго находилась въ запустѣніи и возобновлена въ первой половинѣ XIX-го вѣка.

Сравнивая всѣ три церкви Коломенскаго и Дьякова можно наглядно видѣть какъ первые шаги церковнаго зодчества Москвы, такъ и его расцвѣтъ. Расцвѣтъ, потому что въ это время строилось много, увѣренно и устойчиво, но въ художественномъ отношеніи, какъ къ сожалѣнію случается слишкомъ часто, высшей точкой оказывается ранняя полоса творчества, пока еще идутъ исканія, пока мастера не успокаиваются, удовлетворенные достигнутымъ!

Въ сентябрѣ 1532 года на освященіи Вознесенской церкви царь съ боярами и духовенствомъ три дня пировалъ въ Коломенскомъ. Слѣдовательно, уже въ то время въ Коломенскомъ существовалъ дворецъ. Лѣтописи молчатъ о немъ, но зато много говорятъ о царскомъ пребываніи въ Коломенскомъ: царь Іоаннъ Грозный ежегодно праздновалъ свои именины 29-го августа въ Коломенскомъ, и слушалъ обѣдню въ Дьяковской церкви, справлявшей въ этотъ день престольный праздникъ.

Несомнѣнно, что царскія хоромы въ Коломенскомъ существовали издавна. Во дворцѣ Алексѣя Михайловича находилась палата, слывшая любимой палатой Іоанна Грознаго. Это, конечно, только преданіе, но уже возможность его возникновенія говоритъ о преемственности дворцовыхъ хоромъ.

Въ 1591 году дворецъ сгорѣлъ, но уже въ слѣдующемъ году царь Ѳеодоръ Ивановичъ возобновилъ опустошенное село и поставилъ передъ дворцомъ «ворота изъ самыхъ толстыхъ дубовыхъ деревьевъ, съ выпуклой на каждой вереѣ рѣзьбой отличнаго мастерства» [1]). Ворота эти стояли до 1671-го года и обратили на себя вниманіе польскаго посольства, упоминающаго о нихъ въ донесеніи королю.

Въ XVII-мъ вѣкѣ коломенскій дворецъ безпрестанно обстраивается и перестраивается. «Сентября въ 17 день въ селѣ Коломенскомъ на новосельѣ въ хоромѣхъ новыхъ былъ у Государя столъ» [2]).

[1]) А. *Корсаковъ*. Село Коломенское. Стр. 9.
[2]) «Повседневныя записки» 1638 г.

Новыя хоромы строятся въ 1640 и 1657 годахъ. Наконецъ, въ началѣ 1660-хъ годовъ Алексѣй Михайловичъ приступаетъ къ стройкѣ великолѣпнаго и огромнаго дворца, «осмаго дива свѣта», по выраженію Симеона Полоцкаго.

Въ 1666-мъ году стали готовить лѣсъ и строевые запасы въ Брынскихъ лѣсахъ, по рѣкамъ Угрѣ и Жиздрѣ. 2 мая 1667 года прибылъ царь въ Коломенское «для окладыванья своихъ государскихъ хоромъ», по современному—для закладки. Несмотря на свои громадные размѣры, къ осени того же года дворецъ былъ вчернѣ готовъ; строили плотничій староста Сенька Петровъ и стрѣлецъ плотникъ Ивашка Михайловъ. Затѣмъ столяры и рѣзчики начали готовить внутреннія и наружныя украшенія на всѣ безчисленныя хоромы. Главнымъ руководителемъ былъ старецъ Арсеній. Бѣлоруссія славилась своими рѣзчиками; оттуда были взяты искусные мастера: Климъ Михайловъ, Давыдъ Павловъ, Андрей Ивановъ, Герасимъ Окуловъ, Ѳедоръ Микулаевъ. Въ 1668 году было приказано вывезти изъ-за моря красокъ и золота для живописныхъ и золотарныхъ работъ во дворцѣ. Этими работами завѣдывалъ царскій иконописецъ Симонъ Ушаковъ и нарочно вызванный изъ Персіи армянинъ Богданъ Салтановъ. Декоративныя работы продолжались три года.

Работы по дворцу не прекращались до конца жизни Алексѣя Михайловича, хотя въ 1671 году уже заканчивались декоративная отдѣлка. Дворецъ этотъ, заброшенный тотчасъ по сооруженіи, представляется величественнымъ апоѳеозомъ многовѣковового русскаго деревяннаго зодчества...

Дворецъ представлялъ цѣлый деревянный городокъ: многочисленные и разнообразные срубы соединялись сѣнями и переходами; тутъ государевы хоромы, самая торжественная часть дворца, съ прекрасными крыльцами, рѣзными наличниками оконъ и крещатыми бочками крыши; рядомъ—хоромы царицы, по пышности декораціи почти не уступающія государевымъ; хоромы царевича, хоромы царевенъ, терема, увѣнчанная массивнымъ кубомъ столовая палата, все это сверкаетъ неистощимымъ богатствомъ формъ, радостными сочетаніями красокъ: лазоревая и зеленая чешуя бочекъ чередовалась съ золоченными гребнями и подзорами, деревянная рѣзьба пестрила «чернильнымъ», краснымъ и золотымъ цвѣтами.

Дворецъ былъ осыпанъ рѣзьбой и стѣннымъ письмомъ. Въ 1668 году «окна и двери рѣзныя и въ теремахъ стѣны и на теремахъ чешуи и подзоры и всякія рѣзи по царскому указу велѣно было золотить, а въ иныхъ мѣстахъ писать разными цвѣтными краски»... Въ 1670 «надъ золоченными рѣзными окошками, въ корунахъ, государь велѣлъ написать образъ Живоначальныя Троицы и иные образа самымъ добрымъ письмомъ да на хоромѣхъ на шатрахъ и на бочкахъ чешую выкрасить зеленью»...

Въ 1671 году уже упоминавшіеся польскіе послы подробно описали коломенскій дворецъ. «Хоромы всѣ деревянные, плотническою работою

довольно доброю построены, въ началѣ житья Его Царскаго Величества; противъ нихъ четыреугольна о шести теремахъ башня, такъ крѣпко въ дерево и въ замки угольные связаны, что обалитися нѣтъ опаства. И во всякомъ теремѣ пригожія бесѣды; переднія сѣни съ теремомъ осмигранныя, въ которыхъ зодіакъ выписанъ, потомъ двои хоромы Царскаго Величества съ лавками и печьми довольно пригожими, около оконъ сницерскою работою рѣзи изрядныя, оконницы слюдяныя довольно хороши, изба для бояръ, изъ послѣднихъ хоромъ въ комнату, довольно граждански (?) сдѣланную. Щиты надъ хоромами Его Царскаго Величества круглые, на которыхъ Европа, Африка, Асія написаны. Надъ входами судъ Соломоновъ написанъ, передъ сѣньми выстава изъ оконъ дутая писана съ гербами государей и государствъ».

Стѣнопись, украшавшая палаты дворца, подробно перечислена въ описи, составленной въ первой половинѣ XVIII-го вѣка. «Въ государевыхъ хоромахъ надъ дверьми переднихъ сѣней въ рѣзной каймѣ писанъ былъ деисусъ: образъ Спасовъ, Богородиченъ и Предтечевъ, надъ дверьми передней комнаты снаружи образъ Спаса съ 2 ангелами по сторонамъ; изнутри—царь Давидъ, царь Соломонъ. Въ другую комнату надъ дверьми—деисусъ и въ ногахъ спасова образа преподобные Сергій и Варламій, изнутри надъ тѣми же дверьми царь Іюлій Римскій, да царь Поръ индѣйскій... Въ третью комнату надъ дверьми царь Александръ Македонскій, да царь Дарій Перскій. Надъ дверьми въ 4-ю комнату находился орелъ золоченный двуглавый рѣзной. Въ хоромахъ царицы, въ переднихъ сѣняхъ, въ шатрѣ написаны были притчи Есфири, а по угламъ времена года...» [1])

Симеонъ Полоцкій въ пространныхъ виршахъ воспѣлъ коломенскій дворецъ:

Написанія егда возглядаю,
Много исторій чюдныхъ познаваю.
Четыре части міра написаны,
Аки на мѣди хитро изваяны.
Зодій небесный чюдно написася,
Образы свойствъ си лѣпо знаменася...
И ина многа домъ сей украшаютъ,
Разумы зрящихъ зѣло удивляютъ...
Множество цвѣтовъ живонаписанныхъ,
И острымъ хитро длатомъ изваянныхъ...
Окна, яко звѣздами въ небѣ сіяет,
Драгая слюдва, что сребро блистаетъ...
Седмь дивныхъ вещей древній міръ читаше,
Осмый дивъ сей домъ, время имать наше.

---

[1]) *И. Е. Забѣлинъ.* Дом. быть русс. царей. Т. I. стр. 191.

Достроивъ дворецъ, царь не пересталъ о немъ заботиться: въ 1671 году къ нему были доставлены пять «трубъ заливныхъ противъ пожару»; въ 1673 году часовой мастеръ иноземецъ Петръ Высотцкій «вновь устроилъ» механику рыкающихъ львовъ у входа во дворецъ, и сдѣлалъ часы на дворцовую башню надъ передними воротами.

Этихъ «преудивленныхъ» львовъ описалъ Симеонъ Полоцкій:

Домъ Соломоновъ тѣмъ славенъ безъ мѣры,
Яко ваяны имѣ въ себѣ звѣры.
И здѣ суть мнози, къ тому и рыкаютъ,
Яко живіи, льви гласъ испущаютъ,
Очеса движутъ, зіяютъ устами,
Видится, хощутъ ходити ногами.
Страхъ приступити, тако устроенни...

Хотя Коломенскій дворецъ уже давно не существуетъ, его нельзя обойти молчаніемъ. Этотъ дворецъ, такъ недолго служившій практическимъ потребностямъ, созданный будто бы только для того, чтобы дать исходъ творческимъ силамъ, величайшее созданіе Москвы XVII-го вѣка, отразившее и ея эстетику, и жизненный укладъ, ея психологію, ея нравы и понятія. Пестрота и причудливость дворца, словно въ зеркалѣ, отразили подчасъ противорѣчивую для современнаго сознанія сложность XVII-го вѣка.

Русскій XVII-й вѣкъ—это степенный покой съ кипящими въ глуби темными и жестокими силами; это первобытная простота всѣхъ отношеній, не замутненная мертвыми формами; это медленно шествующіе цари въ парчевыхъ одеждахъ, осыпанные блестящими камнями, сѣдобородые бояре, важные какъ куклы; это темныя и душныя жилища, пьянство и грязь, грубый смѣхъ и отвратительныя ругательства; это церковный звонъ по утрамъ и на вечерней зарѣ, дѣтскія молитвы бородатыхъ людей, вечернее мерцаніе лампады передъ золотистыми иконами; это—тихая покорность Богу святой Руси, вѣчному всемогущему старцу въ бѣлыхъ одеждахъ, нѣжные лики иконъ...

И вмѣстѣ съ тѣмъ—вѣчная насторожившаяся тревога, слѣпой бунтъ, дремлющій черный грѣхъ, нежданно вырывающійся наружу, крушащій все на своемъ пути, чтобы скоро замолкнуть, оставивъ истерзанную совѣсть, жажду покаянія и изступленныя молитвы; это безпомощность сознанія передъ посылаемыми міру испытаніями—и бунтъ противъ нея...

Не вмѣщающаяся въ наши понятія, сложная эпоха должна была создавать причудливые образы, сливающіе чинность быта съ внутренней тревогой, веселье съ изломами совѣсти, что-то пестрое, отъ начала до конца недѣлимое, несмотря на многокрасочность. Такимъ былъ Коломенскій дворецъ—геніальное твореніе допетровской Москвы!..

Съ началомъ XVIII-го вѣка начинается медленное разрушеніе Коломенскаго дворца. Заброшенный, какъ и всѣ московскіе дворцы, онъ былъ предоставленъ самому себѣ и времени.

Въ 1722 году Коломенскій дворецъ посѣтилъ Берхольцъ и уже замѣтилъ слѣды разрушенія. «Увеселительный дворецъ прежнихъ царей... въ немъ 270 комнатъ и 3.000 оконъ, большихъ и малыхъ, считая всѣ вмѣстѣ. Въ числѣ комнатъ есть красивыя и большія, но все вообще такъ ветхо, что уже не вездѣ можно ходить...» [1]).

Въ 1729 году въ Коломенское наѣзжалъ Петръ II и жили князья Долгорукіе. Въ 1762 году Екатерина II обратила вниманіе на «живописныя развалины» дворца и приказала его поддерживать, но поддержка была незначительна и въ 1768 году дворецъ былъ разобранъ за ветхостью. Память о немъ сохранили, кромѣ описей въ архивахъ, сдѣланная передъ разрушеніемъ модель, вродѣ позднѣйшей, хранящейся въ Оружейной палатѣ, планы и фасады, снятые по приказанію Императрицы передъ разрушеніемъ дворца, и гравюра Гильфердинга...

Кромѣ того, въ Императорскомъ Эрмитажѣ есть большая панорама Коломенскаго, рисованная архитекторомъ Джіакомо Кваренги. Наѣзжая въ Москву, онъ сдѣлалъ рядъ отличныхъ рисунковъ съ ея древнихъ памятниковъ. Панорама Коломенскаго представляетъ реставрацію дворца. Кваренги пріѣхалъ въ Россію въ 1780 году, уже по уничтоженіи дворца и нарисовалъ его, пользуясь снятыми передъ разрушеніемъ планами. Это замѣтно и по мертвенности рисунка дворца, отличающей его отъ прочихъ частей панорамы, рисованныхъ съ натуры.

Коломенскій дворецъ единственный въ своемъ родѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ — это высшее достиженіе деревяннаго русскаго зодчества. Теперь дворецъ кажется какимъ-то чудомъ, но несомнѣнно, что постройки въ такомъ духѣ, хотя и не въ такомъ масштабѣ, были дѣломъ привычнымъ въ Москвѣ; богатство формъ, соединяющее ихъ зрѣлое мастерство свидѣтельствуютъ, что это было развитое искусство, имѣвшее своихъ мастеровъ, своихъ геніевъ, свои традиціи. Такія созданія могутъ явиться только въ результатѣ долгой художественной культуры! Ея корни можетъ-быть, слѣдуетъ искать въ миѳическіе вѣка языческой Руси, ея послѣдніе цвѣты родились на сѣверѣ, въ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ въ XVIII-мъ вѣкѣ. Упорно неудающееся въ послѣднія десятилѣтія возрожденіе этой древнерусской эстетики свидѣтельствуетъ только о томъ, что это было великое искусство, органически связавшее матеріалъ и формы, которому можно только подражать!...

Есть основанія думать, что подобнаго типа хоромы строились въ вотчинахъ многихъ бояръ, и такимъ образомъ въ Коломенскомъ дворцѣ мы

---

[1]) „Дневникъ Берхольца“.

Коломенское. Заднія ворота дворца. 1673 г.

Преображенское кладбище. Ворота Измайловскаго дворца.
XVII-й вѣкъ.

имѣемъ только высшее достиженіе древне-русскаго «сельскаго» зодчества.

Эстетическій идеалъ, создавшій Коломенскій дворецъ, проникалъ все творчество Москвы XVII-го вѣка. Возстановляя въ воображеніи пестрыя впечатлѣнія дворца съ его сочными и яркими красками, неудержимымъ потокомъ формъ, вспоминаешь уже пережитый рядъ такихъ же впечатлѣній: въ росписныхъ ярославскихъ церквахъ тотъ же бодрый разгулъ красокъ, то же, почти приближающееся къ узору, богатство формъ: и тамъ, и здѣсь одинаковая полнота сказочнаго впечатлѣнія, преображающаго формы въ пѣвучую гармонію!

Коломенскій дворецъ былъ окруженъ стѣной, отъ которой уцѣлѣло только нѣсколько башенъ и воротъ. Оградой окружались не только загородныя помѣстья: даже въ Москвѣ, несмотря на тройной поясъ кремлевскихъ, китай-городскихъ и бѣлогородскихъ стѣнъ, каждый боярскій дворъ, а такъ же и всѣ казенные дворы—Кадашевскій монетный, Калужскій житный и пр., были окружены, обычно каменной, стѣной съ башнями.

Въ Коломенскомъ отъ ограды сохранились переднія и заднія ворота и Водовзводная или Соколиная башня. Эти ворота опредѣляютъ размѣры «государева двора» съ западной и восточной сторонъ. Съ юга къ двору примыкалъ обширный плодовый садъ, а съ сѣвера церковь Казанской Божьей Матери. Между главными «красными» воротами и царскими хоромами находились двѣ площадки, составлявшія дворъ, «подворье» дворца. Первоначально ограда дворца была деревянная, но около 1673-го года выстроены теперешнія каменныя башни. Переднія и заднія ворота—хорошій образецъ московскаго крѣпостного строительства второй половины XVII-го вѣка. Рядомъ съ ними суровая Соколиная башня представляется значительно болѣе ранней. Въ ней нѣтъ той легкости и мастерства, которое отличаетъ крѣпостныя сооруженія 1670-хъ и 1680-хъ годовъ.

Заднія ворота со своей шатровой вышкой уже принадлежатъ тому стилю, который создалъ теперешній обликъ московскаго кремля. У нихъ, какъ и большинства церковныхъ и монастырскихъ воротъ, два проѣзда, большой—проѣздъ въ буквальномъ смыслѣ, и малый—пѣшеходный «пролазъ». По сторонамъ сохранились небольшія палаты, стрѣлецкія караульни. Небольшая палата находится и во второмъ этажѣ надъ проѣздами воротъ. Древне-русскіе зодчіе вырабатывали очень совершенныя традиціи при постройкѣ воротъ: они воздвигались красиво и вмѣстѣ съ тѣмъ экономно, представляя нѣсколько жилыхъ помѣщеній. Верхній ярусъ воротъ подъ шатромъ служилъ «смотрильной вышкой».

Переднія «красныя» ворота построены по тому же типу, но крыты двойной крещатой бочкой. Это, кажется, единственное сооруженіе XVII-го вѣка, сохранившее завѣтное покрытіе бочками.

Теперь, окруженныя разросшимся садомъ, славившимся еще во времена царя Алексѣя Михайловича, эти бѣлыя островерхія башни убѣждаютъ, что не вымысломъ былъ сказочный дворецъ, когда-то красовавшійся расписными маковками на высокомъ берегу Москвы-рѣки. Да еще акаціи, посаженныя по линіи фундамента, указываютъ его размѣры и расположеніе...

Коломенское, благодаря своей близости къ Москвѣ, живописности мѣста и сравнительной недавности оживляющихъ его историческихъ воспоминаній, не было забыто и въ XVIII-мъ вѣкѣ. На мѣстѣ разобраннаго стараго Екатерина II въ 1767 году выстроила небольшой дворецъ, перестроенный въ 1785—86 г. За ветхостью онъ былъ разобранъ въ 1816 году и въ царствованіе Николая I замѣненъ новымъ, выстроеннымъ по проекту Штакеншнейдера.

Русская исторія не любитъ насиженныхъ мѣстъ. Словно боясь оковъ традицій, она легко обрекаетъ на забытіе прекрасныя вѣковыя созданія, переносится на новыя мѣста, обстраиваетъ ихъ, наполняетъ воспоминаніями, чтобы скоро забросить, точно по капризу. Вотъ почему, знакомясь съ русскими древностями, нельзя отдѣлаться отъ элегическаго чувства быстротечности человѣческаго творчества: все созданное вѣками уходитъ и остается опять человѣкъ на пустынной землѣ, передъ грудой развалинъ, овѣянныхъ воспоминаніями, предоставленный самому себѣ, утратившій связь съ прошлымъ...

И кажется, что разрушительная стихія времени у насъ безпощаднѣе, чѣмъ въ прочихъ мѣстахъ земного шара!

Измайлово. Заднія ворота. 1679 г.

Измайлово. Мостовая башня. 1679 г.

II. Измайлово [1]).

Измайлово не обладаетъ такой богатой исторіей, какъ Коломенское. Оно обстроено въ XVII-мъ вѣкѣ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ; до того это была обычная боярская вотчина. Въ Измайловѣ сохранилось не болѣе, чѣмъ въ Коломенскомъ, остатковъ дворца; уцѣлѣли только церкви, ворота и башни.

Въ 1839 году, по проекту арх. К. А. Тона, начата постройка въ Измайловѣ Военной Богадѣльни для инвалидовъ: по бокамъ великолѣпнаго древняго собора выросли огромные бѣлые корпуса казарменнаго типа. Эти неуклюжія постройки нарушили живописное обаяніе Измайлова, и хороши въ немъ теперь только старыя ворота и соборъ. Общее впечатлѣніе губятъ настойчиво выпирающія на первый планъ корпуса богадѣльни.

Измайлово было съ давнихъ поръ родовой вотчиной бояръ Романовыхъ. Въ 1609 году «государевы люди» построили здѣсь острогъ «противъ воровскихъ людей». Во второй половинѣ XVII-го вѣка Измайлово уже называется «дворцовымъ царскимъ селомъ». По смерти своего послѣдняго вотчинника, боярина Никиты Ивановича Романова, Измайлово перешло въ дворцовое вѣдомство. Въ 1663 году царь Алексѣй Михайловичъ обратилъ вниманіе на Измайлово и завелъ здѣсь новое хозяйство. Измайлово было прежде всего хозяйственной вотчиной: здѣсь царь выступалъ какъ помѣщикъ. «Задумавъ устроить хозяйственный хуторъ въ обширныхъ размѣрахъ, царь избралъ село Измайлово. Въ хозяйственномъ отношеніи выбрать мѣсто лучше было нельзя: здѣсь представлялись всѣ удобства, по всѣмъ частямъ хозяйства, также и для садоводства, которое впослѣдствіи заняло въ Измайловскомъ хозяйствѣ весьма видное мѣсто» [2]).

Кромѣ огромныхъ пашенъ, Измайлово славилось своими садами. Здѣсь насаждалось пчеловодство и даже шелководство: дѣлались опыты разведенія тутовыхъ деревьевъ и шелковичныхъ червей. Сзади дворца за прудомъ Алексѣй Михайловичъ посадилъ виноградный садъ.

Измайловскіе сады славились на всю Россію. Былъ также устроенъ звѣринецъ, наполненный диковинными животными, и памятью о немъ

---

[1]) «Измайловскій звѣринецъ» за Семеновской заставой.

[2]) *И. Е. Забѣлинъ.* Опытъ изученія русскихъ древностей. Т. II, стр. 285.

осталось теперешнее наименованіе урочища. Хозяйственныя заботы охватывали, кажется, всѣ стороны производительнаго труда, извѣстныя древней Руси. Были поставлены на выкопанныхъ прудахъ мельницы, были устроены аптекарскіе огороды, ягодникъ, стеклянный заводъ, издѣлія котораго сохранились въ Оружейной Палатѣ. Громадное хозяйство требовало огромнаго числа служебныхъ зданій, и старыя описи перечисляютъ ихъ: на поляхъ были «смотрильни», башни для наблюденія за работами, многочисленныя запруды и плотины, мельницы, каменныя риги, токи, льняной дворъ, амбары; все это строилось преимущественно между 1665 и 1669 годами.

Больше всего заботился царь Алексѣй Михайловичъ о разведеніи «диковинныхъ злаковъ»—винограда, шелковицы, хлопчатой бумаги, «травы марины» (марены) и т. п. Въ 1665 и 66 году изъ Москвы отправляются садовники въ Астрахань, чтобы доставить въ Измайлово всѣ эти невиданныя въ Москвѣ культуры. Для работъ по устройству измайловскихъ садовъ выбираются изъ стрѣльцовъ 15 опытныхъ садовниковъ; ихъ отправляютъ въ славящіеся садоводствомъ русскіе города для выбора «яблонь, грушъ, дуль».

Измайловскіе сады удивляли иностранныхъ путешественниковъ. Измайлово стало одной изъ диковинъ Москвы, и о немъ упоминаютъ всѣ, посѣщавшіе «столицу Московіи».

Таннеръ, описавшій пребываніе въ 1678 году въ Москвѣ польскаго посольства, говоритъ, что «обширная Измайловская равнина такъ понравилась царю, что онъ завелъ на ней два сада, одинъ на манеръ италіанскій, а въ другомъ построилъ огромное зданіе (дворецъ) съ тремя стами малыхъ со шпицами башенъ. Это мѣсто такъ нравится царю, что онъ поставилъ себѣ правиломъ бывать въ немъ по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, чтобы посмотрѣть, не надо ли еще чего прибавить для его украшенія».

Измайловскіе сады служили не только хозяйственнымъ заботамъ: они были украшены многочисленными «увеселительными сооруженіями. Садовъ было два—Виноградный и Просянскій.

Въ Виноградномъ саду стояли три «терема», бесѣдки, украшенныя рѣзьбой и раскрашенныя. Около теремовъ были разукрашенныя «гульбища» (галлереи). Въ Просянскомъ саду были выстроены два «чердака» (терема). Въ обоихъ садахъ были «перспективы», картины, писанныя спеціальнымъ мастеромъ, состоявшимъ при Измайловѣ живописцемъ перспективнаго дѣла Петромъ Энглесомъ.

Путешественникъ Рейтенфельсъ отмѣчаетъ, что въ Измайловѣ былъ огромный садъ и лабиринтъ, называвшійся въ то время въ Москвѣ «вавилономъ» [1]).

---

[1]) «Журналъ Мин. Нар. Просв.». 1839 г. іюль.

Со смертью Алексѣя Михайловича ростъ и украшеніе Измайлова остановилось.

Въ 1667 году мѣсто кругомъ дворца было обведено каналомъ, такъ что получился островъ, отчасти сохранившійся и до нашихъ дней.

Тогда же были построены и царскія хоромы. О нихъ можно судить по гравюрѣ петровскаго мастера Ивана Зубова. Дворецъ не отличался ни размѣрами, ни красотой: деревянный, «троекровный», онъ, насколько можно судить по приблизительной гравюрѣ, напоминаетъ въ упрощенномъ видѣ нѣкоторыя формы Коломенскаго дворца.

Измайловскій дворецъ перестраивался въ 1681 году и въ 1701, и, слѣдовательно, гравюра Зубова, сдѣланная въ концѣ 1720-хъ годовъ, изображаетъ не его первоначальныя формы. Тѣмъ не менѣе представляется загадочнымъ сообщеніе Таннера о «трехъ стахъ малыхъ со шпицами башняхъ»! Къ дворцу велъ каменный мостъ черезъ рѣку Серебрянку, видный на гравюрѣ Зубова.

Насколько Алексѣй Михайловичъ заботился о хозяйственномъ благоустройствѣ Измайлова, настолько сынъ его Θеодоръ увлекался строительствомъ. Все, что сохранилось теперь въ Измайловѣ отъ XVII-го вѣка, построено Θеодоромъ Алексѣевичемъ. Имъ сооружены двѣ церкви—Іоасафа Царевича (1678 г.) и величественный Покровскій соборъ (1679 г.), а также была замѣнена окружавшая дворецъ деревянная стѣна каменной, съ семью воротами и надворотными башнями. Уцѣлѣли обѣ церкви и двѣ башни: заднія ворота (1679-80 г.) и мостовая башня (1679 г.).

Находящійся «на Острову» царскій дворъ около 1679-го года былъ обнесенъ каменной стѣной. Дворъ былъ раздѣленъ особой преградой, дѣлившей его на дворцовую и хуторскую части. Въ этой преградѣ находился главный подъѣздъ ко дворцу и были вставлены великолѣпныя ворота, покрытыя каменной рѣзью. Они сохранились, но судьба ихъ довольно оригинальна. Глава московскихъ старообрядцевъ богатый купецъ Илья Ковылинъ въ началѣ XIX-го вѣка пріобрѣлъ эти ворота и перенесъ ихъ на старообрядческое Преображенское кладбище, гдѣ они находятся и по сіе время...

Нѣкоторыя части воротъ утрачены, но въ общемъ отлично сохранилась вся прекрасная композиція съ двойной аркой, съ рѣзными колонками по сторонамъ, со стилизованными львами, поддерживающими арку. Замысловатый узоръ воротъ принадлежитъ къ тому типу бѣлокаменной рѣзи, которой щедро осыпаны окна и двери кремлевскихъ теремовъ: среди сложнаго извивающагося растительнаго орнамента помѣщены фигуры сказочныхъ животныхъ: единороговъ, львовъ, грифоновъ и двухглавыхъ орловъ. Двойную арку воротъ поддерживаютъ лежащіе львы, излюбленный мотивъ древнерусской орнаментаціи, особенно полюбившійся въ XVII-мъ вѣкѣ, когда имъ стали украшать крыльца, клиросы въ церквахъ, порталы дверей;

поза львовъ на Измайловскихъ воротахъ обычно воспроизводится на ножкахъ клиросовъ.

Декоративное мастерство древней Руси особенно расцвѣло въ XVI-мъ вѣкѣ, когда въ него были внесены восточные элементы сплошного узора. Въ XVII-мъ же вѣкѣ въ Москвѣ, хотя общее впечатлѣніе и остается той же узорности, усиливается пластическій, изобразительный элементъ: среди узорнаго орнамента вкраплены фигуры животныхъ, рѣже миѳическихъ человѣкообразныхъ существъ.

Въ серединѣ XVII-го вѣка при все растущемъ увлеченіи нарядностью очень широкое распространеніе получаетъ каменная и деревянная рѣзь. Для ея мастеровъ, среди которыхъ искусствомъ т.-е. навыкомъ, ловкостью, славились бѣлоруссы, образцами служили «книги мастерскія къ рѣзному дѣлу въ лицахъ», но прямыхъ подражаній или заимствованій западноевропейскому искусству не замѣчается. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ и той оригинальности, той изобрѣтательности, которую мы наблюдаемъ у декоративныхъ мастеровъ XVI-го вѣка.

Дворецъ находился на мѣстѣ теперешняго корпуса для семейныхъ инвалидовъ. Послѣдній разъ онъ былъ перестроенъ въ 1701 году и затѣмъ заброшенъ. Въ 1761 году было предположено его исправить, но это оказалось невозможнымъ. Въ 1765 году было велѣно его разобрать, остался только одинъ каменный фундаментъ, существовавшій до середины XIX-го вѣка.

Заднія ворота дворца, очень живописныя со своими тремя пролетами, сквознымъ барьеромъ, съ восьмерикомъ, увѣнчаннымъ шатровой вышкой, оставляютъ смутное впечатлѣніе слабо найденными пропорціями. Ихъ шатеръ низокъ, слишкомъ легокъ, расплывается въ широкихъ массахъ воротъ. Бѣлыя ворота стоятъ теперь передъ корпусами богадѣльни какъ пережитокъ, курьезный обломокъ старины, но когда-то они входили въ общую картину и украшали ее: когда-то Измайлово «на Острову» было цѣлымъ городкомъ, окруженнымъ лентой рѣки, опоясаннымъ бѣлой оградой съ островерхими башнями; надъ оградой вырисовывались массивныя главы собора, верхи его пестрыхъ изразчатыхъ закомаръ, вышки и кровли дворца, высокія крыши безчисленныхъ службъ...

Только очень совершенныя произведенія искусства, отдѣленныя отъ создавшаго ихъ цѣлаго, продолжаютъ жить своей обособленной жизнью; измайловскія ворота къ такимъ не принадлежатъ, они имѣютъ теперь только интересъ историческаго памятника.

Совершенно иное отношеніе вызываетъ мостовая башня, стоявшая у въѣзда на мостъ. Ея теперь замурованные проѣзды вели на 50-ти саженный мостъ, заканчивавшійся башней и съ противоположной стороны. Этотъ мостъ, украшенный рѣзьбой и изразцами, послужилъ образцомъ для подобныхъ сооруженій въ Москвѣ.

Мостовая башня, служившая также и колокольней, одинъ изъ лучшихъ памятниковъ гражданскаго зодчества Москвы XVII-го вѣка, его наиболѣе чистой и самобытной полосы, свободной отъ вліяній барокко. Башня построена въ 1679-80 году, но такая чистота стиля естественна была въ 1650-хъ годахъ и для царствованія Ѳеодора Алексѣевича она является прекраснымъ анахронизмомъ.

Она состоитъ изъ трехъ ярусовъ и заканчивается низкимъ глухимъ шатромъ. Нижній ярусъ, квадратный въ планѣ, былъ прорѣзанъ тремя выѣздами: кромѣ прямой дороги отъ моста, былъ еще выходъ въ сторону; въ двойныхъ стѣнахъ его идетъ лѣстница на верхъ, и устроено нѣсколько небольшихъ помѣщеній. Второй ярусъ, тоже квадратный, нѣсколько меньше перваго; кругомъ него образовалась открытая площадка. Преданіе называетъ этотъ ярусъ думной палатой. Нарядные наличники оконъ, довольно многочисленныхъ при этомъ, заставляютъ думать, что палатка эта, дѣйствительно, предназначалась для житья или какого-нибудь болѣе или менѣе торжественнаго учрежденія. Къ западной стѣнѣ ея придѣлана небольшая пристройка съ гладкими стѣнами — входъ и лѣстница на верхъ. Наконецъ третій ярусъ-восьмерикъ образуетъ тоже небольшое помѣщеніе.

Московскіе зодчіе XVII-го вѣка больше всего вниманіе обращали на живописную красоту своего созданія, выдвигали на первый планъ заботу о нарядности. Строитель же мостовой башни не упустилъ изъ вида архитектурныхъ задачъ: всѣ пропорціи крайне гармоничны, мастерски выисканы. Массы немного грузны, скученны, архитектурная мелодія звучитъ простымъ, здоровымъ напѣвомъ, но въ такомъ характерѣ массъ дивно переданъ духъ московскаго зодчества!...

Еще болѣе привлекательна мостовая башня своимъ декоративнымъ убранствомъ. Московскіе зодчіе любили цвѣтистость, обиліе украшеній, не рѣшались часто оставить ни одного свободнаго куска стѣны. Строитель башни тоже сторонникъ нарядности, но какъ дивно угадываетъ онъ мѣру! Объ его развитомъ архитектурномъ чувствѣ свидѣтельствуетъ характеръ декорацій: онѣ не являются самоцѣлью, онѣ выдѣляютъ массы, оттѣняютъ ихъ мелодію. Нижній ярусъ украшенъ сдержаннѣе другихъ: вокругъ оконъ прямолинейные валикообразные наличники, по угламъ и на троечастныхъ дѣленіяхъ стѣны — тройные пилястры-колонки; карнизъ обведенъ рубчиками, дающими хорошую сочную свѣтотѣнь. Надъ нимъ высится баллюстрада, украшенная «ширинками», съ изразцами во вдавленіяхъ. Этотъ скромный узоръ необычайно выразительно оттѣняетъ духъ московскаго гражданскаго зодчества, немного суровый, привыкшій къ крѣпостнымъ надежнымъ постройкамъ. Второй ярусъ декорированъ, но безъ вертикальныхъ дѣленій стѣнъ. Рядъ оконъ съ великолѣпно вырисованными наличниками на общемъ сдержанномъ фонѣ даетъ думной палатѣ пышно украшенный обликъ. Оригинальна декорація печныхъ трубъ рубцами и жгутиками.

Когда-то московское искусство XVII-го вѣка считалось единственно подлиннымъ «русскимъ стилемъ». Затѣмъ при ознакомленіи съ творчествомъ Новгорода, Владиміро-Суздальской области, Сѣвера стало ясно, что единаго «русскаго стиля» нѣтъ,—есть рядъ совершенно отличныхъ пониманій красоты. И подъ вліяніемъ этихъ радостныхъ открытій отъ Москвы отвернулись, не находя въ ея творчествѣ той самобытности и оригинальности, которая есть во Владимірѣ и, особенно, въ Новгородѣ. Дѣйствительно, Москва долго колебалась, много заимствовала, слишкомъ много строила и какъ-то ослабила свое искусство, перемѣшавъ великія созданія съ третьесортными перепѣвами. Однако оставаясь безпристрастнымъ, нужно умѣть отдѣлить случайные побѣги отъ здоровыхъ творческихъ основъ!

Въ томъ же 1678 году въ Измайловѣ воздвигнута двухъэтажная церковь царевича Іоасафа. Въ ней есть детали, весьма близкія къ мостовой башнѣ, хотя общее впечатлѣніе совершенно различное. Возможно, что всѣ эти постройки въ Измайловѣ производила одна и та же артель каменныхъ мастеровъ, работавшая подъ руководствомъ иноземца Густава Декентина. Церковь Іоасафа—самая ранняя изъ московскихъ церквей, несущая слѣды новшествъ, создавшихъ такъ называемый «нарышкинскій стиль». Ярусность церкви, восьмерика и барабана главы, все это новшества, совмѣщенныя, однако, съ традиціонными формами.

Однимъ изъ главныхъ украшеній Измайлова является величественный Покровскій соборъ, законченный постройкой и освященный въ 1679 году. Его архитектурныя формы повторяютъ завѣтныя для всей московской области формы кремлевскаго Успенскаго собора. Въ теченіе трехъ вѣковъ слѣдуютъ имъ зодчіе, строящіе соборы въ городахъ и монастыряхъ. Покровскій соборъ—одно изъ послѣднихъ по времени повтореній этихъ старо-московскихъ формъ. Но духъ времени не прошелъ мимо него. Его могучія и простыя стѣны, словно созданныя XV-мъ вѣкомъ, украшены всѣми декоративными пріемами поздней Москвы.

Закомары и карнизъ облицованы изразцами, сплошнымъ желто-сине-зеленымъ ковромъ, выдѣляющимся на бѣлизнѣ стѣнъ. Такихъ обильныхъ изразцовыхъ декорацій мы не находимъ больше ни на одной церкви Москвы, тѣмъ болѣе соборнаго типа.

Покровскій соборъ строился «изъ казны Великаго Государя царя Алексѣя Михайловича». За постройкой наблюдалъ «каменныхъ дѣлъ подмастерье Иванъ Кузнечикъ», строившій также и церковь Григорія Неокессарійскаго на Полянкѣ.

Еще ярче проявились декоративныя стремленія поздней Москвы въ обработкѣ главъ собора. У подножья ихъ проходитъ кругъ остаточныхъ кокошниковъ, сохранившихся какъ декоративный элементъ; барабаны вытянуты, обведены арочными пилястрами, несутъ подъ главой изразцовую по-

лосу. Главы тяжелаго, массивнаго типа. Очень старательно сдѣланы кресты прекраснаго ажурнаго рисунка. Внутри соборъ кореннымъ образомъ передѣланъ и перекрашенъ въ 1850-хъ годахъ при устройствѣ Военной богадѣльни.

Вотъ все, что осталось отъ двухъ лучшихъ усадебъ XVII-го вѣка. Исчезло какъ разъ все то, что приближается къ понятію сельской архитектуры, т.-е. дворцы, остались только церкви и башни, приближающіяся по типу къ церковнымъ колокольнямъ или къ монастырскимъ строеніямъ. Тѣмъ не менѣе въ нихъ есть черты, свойственныя только имъ, какъ усадебнымъ постройкамъ. Эти болѣе декоративныя, чѣмъ оборонительныя, болѣе символизирующія защиту и власть, чѣмъ дающія ее, башни далеки отъ «городового», т.-е. крѣпостного строенія; отъ монастырскихъ построекъ они отличаются нарядностью и нѣкоторой изысканностью. Колокольни не имѣютъ столь откровенно свѣтскаго вида.

Коломенское и Измайлово—единственные уголки подъ Москвой, дающіе болѣе широкія представленія о XVII-мъ вѣкѣ, чѣмъ получаемыя отъ изученія церквей. На масштабѣ исторической перспективы XVII-й вѣкъ—это вчерашній день, но для насъ, благодаря особенной злобности времени, отъ него вѣетъ чѣмъ-то далекимъ, сохраненнымъ незначительными остатками!...

III. Черемушки.

Къ югу отъ Москвы, вдали отъ желѣзныхъ дорогъ, находятся Черемушки, бывшая подмосковная Меньшиковыхъ. Ее окружаютъ кирпичные заводы, безконечныя фабричныя трубы, и вся эта мѣстность за Серпуховской заставой носитъ мало привлекательный характеръ окраины современнаго промышленнаго города.

Между тѣмъ здѣсь, среди фабричныхъ корпусовъ, въ тихихъ захолустныхъ переулкахъ довольно много сохранилось вѣковыхъ липъ, послѣднихъ остатковъ когда-то существовавшихъ барскихъ усадебъ. Въ началѣ XIX-го вѣка вся южная окраина Москвы, окаймленная съ двухъ сторонъ Москвой-рѣкой, была густо усажена усадьбами. Начинаясь отъ Мамоновой дачи и Нескучнаго, цѣлаго ряда загородныхъ дачъ за Калужской заставой, ихъ поясъ тянулся къ Канатчиковой дачѣ и доходилъ до Москвы рѣки, гдѣ противъ Симонова монастыря еще уцѣлѣлъ въ Даниловской слободѣ обширный барскій домъ, ставшій фабричнымъ корпусомъ.

Московскіе бытописатели начала XIX-го вѣка, охотно и пространно разсказывающіе о Кусковѣ, Люблинѣ и Останкинѣ, ничего не говорятъ о Черемушкахъ. Владѣльцы усадьбы Меньшиковы не пользовались въ Москвѣ широкой популярностью, не отличались ни хлѣбосольствомъ, ни причу-

III. Черемушки.

8

дами, главными козырями извѣстности въ Москвѣ начала XIX-го вѣка. Ихъ усадьба не носитъ роскошнаго показнаго облика; это красивое и удобное жилье культурнаго дворянскаго рода.

«Пустошь Черемошки» упоминается въ 1630 году, когда она была «продана въ вотчину» Афанасію Пронищеву и дьяку Веденикту Махову. Въ 1635 году «деревня Черемошье» «отказана» думному дьяку Ф. Ф. Лихачеву. Въ 1666 году Лихачевъ «тое свое подмосковную вотчину деревни Черемошіе» «написалъ» внуку своему кн. П. И. Прозоровскому. Отъ Прозоровскаго по браку Черемушки перешли къ кн. И. Ал. Голицыну (1658-1729 г.) [1]). Затѣмъ Черемушки перешли къ его сыну кн. Ф. И. Голицыну (1699-1769 г.). У него была здѣсь усадьба, въ которой его 28-го августа 1749 года посѣтила императрица Елизавета; «Ея Императорское Величество соизволила имѣть выходъ на Воробьевы Горы; въ раставленныхъ шатрахъ обѣденное кушаніе изволили кушать—а оттуда шествіе возимѣть соизволила въ село Черемоши—къ Господину Генералъ-Майору Князю Голицыну, гдѣ благоволили вечернее кушаніе кушать—и во дворецъ прибыть изволила въ 1-мъ часу пополуночи» [2]). Отъ времени кн. Ф. И. Голицына въ Черемушкахъ осталась только церковь. Затѣмъ Черемушки перешли къ кн. Н. Ф. Голицыну (1728-1780 г.). Среди владѣній его сына Феодора Черемушки уже не значатся.

Надо думать, что въ это время онѣ перешли къ Меньшиковымъ. Создателемъ усадьбы былъ, повидимому, внукъ петровскаго сподвижника Сергѣй Александровичъ Меньшиковъ (1746—1815 г.), женатый на кн. Екатеринѣ Николаевнѣ Голицыной (1764—1832 г.), или сынъ его А. С. Меньшиковъ (1787—1869 г.), извѣстный дѣятель царствованія Николая I.

Родъ Меньшиковыхъ пресѣкся, и ихъ подмосковная перешла въ иныя руки. Теперь Черемушки принадлежатъ Н. В. Якунчикову. Долгое время усадьба находилась въ запустѣніи, ветшали заброшенныя постройки, но теперь стараніями новаго владѣльца онѣ воскресаютъ въ своемъ прежнемъ обликѣ.

Въ Черемушкахъ нѣтъ художественныхъ откровеній, равныхъ Останкину и Архангельскому. Ихъ прелесть въ историческомъ значеніи, дающемъ яркую картину прошлой жизни. Въ смыслѣ исторической поучительности это едва ли не самая интересная подмосковная. Очень характерно расположеніе построекъ, весь планъ усадьбы; необычайно выразительна забота о красотѣ, очевидная въ каждомъ ея уголкѣ.

Такіе дворцы, какъ Останкино, свидѣтельствуетъ о любви и пониманіи искусства, о художественномъ уровнѣ эпохи. Они и сами являются художественными созданіями, оторванными отъ жизни и быта.

---

[1]) Кн. *М. М. Голицынъ*. Петровское. СПБ. 1912 г.

[2]) «Русская Старина». 1897 г. № 3.

Но есть нѣсколько старыхъ подмосковныхъ, гдѣ черты эпохи выступаютъ сильнѣе, чѣмъ созданія ея: ихъ архитектура связана съ жизнью. Къ такимъ усадьбамъ принадлежатъ и Черемушки.

Мы видимъ здѣсь прежде всего, что старое русское барство хотѣло создавать не только дворцы, но и цѣлые поселенія, гдѣ все красиво и художественно. Вокругъ барскаго дома располагаются красивые корпуса службъ, размѣщенные по опредѣленному плану. Все сложное барское хозяйство, область, казалось бы, узко утилитарная и весьма далекая отъ искусства, вмѣщается въ художественныя рамки. Конный дворъ поручался трудамъ того же архитектора, который только что закончилъ барскій домъ. Тутъ пробивается какая-то очень глубоко сидящая потребность въ красотѣ, не отдѣляющая показного отъ дѣйствительнаго...

Въ усадьбахъ этого рода гораздо больше чертъ «сельской» архитектуры, чѣмъ въ роскошныхъ загородныхъ дворцахъ. Кромѣ барскаго дома, мы находимъ здѣсь большое количество всевозможныхъ павильоновъ, бесѣдокъ, разнообразныхъ декоративныхъ сооруженій. Эти небольшія зданія обычно производятъ красивое впечатлѣніе, но ихъ красота неотдѣлима отъ служащаго ей фономъ пейзажа. Творчество архитекторовъ получаетъ здѣсь полный просторъ: никакой шаблонъ немыслимъ тамъ, гдѣ приходится принимать во вниманіе десятки мѣстныхъ условій. Здѣсь «строгій вкусъ» немыслимъ. Чѣмъ больше неожиданности, новизны, фантазіи, тѣмъ значительнѣе эффектъ.

Такіе павильоны и бесѣдки рѣдко имѣютъ практическое назначеніе; иногда это ванныя, лѣтніе домики, «эрмитажи для отдохновенія», но чаще всего просто украшенія парка и усадьбы...

Усадьбы этого типа неизмѣнно окружаются парками, и цѣлый рядъ пейзажныхъ красотъ, часто создаваемыхъ съ большимъ трудомъ, пруды, просѣки, дороги-«першпективы», искусственныя возвышенія, потоки и овраги, усиливаютъ архитектурные ресурсы усадьбы.

Въ Москвѣ начало такимъ усадьбамъ положено, по всей вѣроятности, Архангельскимъ. Благодаря красотѣ своихъ старыхъ липовыхъ парковъ, благодаря той ощутительности, съ которой отразились и застыли въ нихъ вкусы и образъ жизни людей прошлаго, эти усадьбы обладаютъ могучимъ обаяніемъ поэтичности. Ихъ красота—не холодное олимпійское величіе геніальнаго созданія, а немного неправильная, немного упрощенная живая красота жизни!

Подмосковная Меньшиковыхъ не упоминается не только у современниковъ, нѣтъ о ней и позднѣйшихъ литературныхъ указаній, несмотря на близость къ Москвѣ, на очевидность ея художественнаго и историческаго значенія.

Ея исторія, ея строители не выяснены, навѣрно и останутся невыясненными. И не нужно ея, не нужно точныхъ данныхъ: самое интересное

Черемушки, бывшая усадьба Меньшиковыхъ. Ворота и переднiй фасадъ дома. Начало XIX вѣка.

Черемушки, бывшая усадьба Меньшиковыхъ. Зала въ барскомъ домѣ. Около 1820 года.

здѣсь эпоха, тотъ общій эстетическій и житейскій множитель, который останется, если вынести за скобки все личное и случайное!

Черемушки окружены со всѣхъ сторонъ старыми липами, скрывающими усадьбу отъ случайнаго взгляда. Тщательная систематическая планировка ея, единый замыселъ въ расположеніи строеній свидѣтельствуетъ объ одновременности застройки усадьбы. Далеко не во всѣхъ подмосковныхъ проведена такая строгая согласованность всѣхъ частей: романтически настроенная эпоха классицизма предпочитала живую непринужденность и свободу. Такія дисциплинированные архитектурные замыслы цѣнились въ началѣ XVIII-го вѣка, когда цѣнилась власть человѣческой руки надъ «облагораживаемой» природой. Въ 1820 годахъ, во времена аракчеевщины, возродилось стремленіе къ дисциплинѣ въ архитектурѣ, но уже рождалась она не отъ эстетики, а отъ немного казарменнаго увлеченія порядкомъ. Въ Черемушкахъ есть какіе-то отзвуки этой николаевской «регулярности», однако разросшіяся деревья парка смягчили и скрыли ее...

Усадьба разбита очень хозяйственно и любовно: каждый уголокъ продуманъ. Особенно старательно продумана идущая въ серединѣ ея, длинная и прямая просѣка-дорога.

Теперь дорога въ усадьбу проложена сбоку, паралельно фасаду дома; но еще цѣла старая просѣка-дорога, обращенная къ Москвѣ и создающая прекрасную далекую перспективу, основную ось всей усадьбы: еще издали черезъ прямую, какъ стрѣла, «першпективу», окаймленную деревьями, виднѣлся бѣлый фасадъ дома.

Ближе къ усадьбѣ по бокамъ перспективы тянутся корпуса коннаго двора, съ парными островерхими башнями при въѣздѣ и выѣздѣ. Дальше по бокамъ ея высятся старыя ели, окаймляющія «красный дворъ». Когда-то вся эта часть усадьбы была окружена каменной стѣной, отъ которой теперь сохранились только два столба воротъ. На площадкѣ передъ домомъ растетъ нѣсколько невѣроятно громадныхъ тополей, посаженныхъ кѣмъ-нибудь изъ очень давнихъ владѣльцевъ. Эти ветераны, заботливо обитые желѣзными листами по дупламъ, слывутъ въ усадьбѣ посаженными Борисомъ Годуновымъ, владѣвшимъ будто-бы этой мѣстностью.

Справа отъ краснаго двора расположено нѣсколько корпусовъ службъ, а слѣва тянется прекрасный липовый паркъ. За домомъ въ оврагѣ прудъ, когда-то составлявшій звено въ цѣлой цѣпи прудовъ. Въ паркѣ надъ обрывомъ поставлены два небольшихъ павильона, облѣпленныхъ деревянными постройками, но теперь тщательно реставрируемыхъ.

Въ паркѣ же стоитъ небольшая церковь, поставленная въ 1747 году. Елизаветинская эпоха, несмстря на свою продуктивность въ церковномъ строительствѣ, оставила сравнительно мало церквей въ усадьбахъ. Во времена Елизаветы въ Москвѣ строили церкви архитектора Дм. Ухтомскій и

Иванъ Мичуринъ. Ихъ творчество слагалось изъ страннаго совмѣщенія формъ московскаго до-петровскаго барокко и отзвуковъ петербургскаго творчества Растрелли. Въ Москвѣ подъ руками опытныхъ мастеровъ это совмѣщеніе давало интересныя и гармоничныя формы, но въ усадьбахъ обычно получалась малохудожественная смѣсь.

Церковь въ Черемушкахъ идетъ вполнѣ отъ Растрелли: прямоугольный планъ, громадный свѣтовой трибунъ, типичнаго рисунка наличники оконъ—все это стоитъ вполнѣ на уровнѣ вѣка, все это художественно объединено. Церковь Черемушекъ могла бы служить отличнымъ образцомъ стиля, но къ сожалѣнію по ней прошлась рука позднѣйшаго поновителя; онъ не внесъ грубыхъ новшествъ, но смягчилъ ту прихотливую закругленность, ту капризность линій, которая характеризуетъ искусство поздняго барокко...

Особенно пострадали наличники и овальныя люкарны надъ входами: рисунокъ оставленъ прежній, Елизаветинскій, но линіи засушены, выпрямлены подъ линейку.

Изслѣдователь усадебъ, не получившихъ въ свое время громкой извѣстности благодаря знатности или гостепріимству хозяина, въ большинствѣ случаевъ находится въ затруднительномъ положеніи: современники не оставили никакихъ извѣстій объ усадьбѣ; семейные архивы и преданія, особенно тамъ, гдѣ на протяженіи XIX-го вѣка усадьба мѣняла владѣльцевъ, затеряны. О времени сооруженія и именахъ строителей, если случайность не сохранила никакихъ данныхъ въ опубликованныхъ письмахъ и мемуарахъ, можно только догадываться. Иногда догадки приводятъ къ увѣренности, когда авторство очевидно, но часто не только нельзя приблизительно назвать имя архитектора, но трудно указать и на школу, на теченіе, къ которому принадлежалъ строитель!

Въ такое затруднительное положеніе пригодятъ классическія постройки Черемушекъ. Время ихъ,—повидимому, начало XIX-го вѣка. Въ нихъ, однако, нѣтъ еще обычной Александровской строгости и чистоты стиля; строитель ихъ любитъ островерхія башни, какіе-то отзвуки готики, перелицованные на классическій ладъ.

Лучшіе мастера эпохи Александра I были вѣрными рыцарями классицизма. Отклоненій отъ своего канона они не знали. Но крѣпостные ученики ихъ, обученные строительному мастерству, но неспособные искренно увлечься классицизмомъ, понять его красоту, обладали свободной головой, и часто измышляли самыя необычайныя сочетанія готики, классицизма, барокко, и еще какого-то своего собственнаго стиля. Иногда они, оставаясь на точкѣ замерзанія со временъ своего ученичества, отставали отъ хода архитектуры, и въ расцвѣтъ Александровскаго классицизма строили по рецептамъ Екатерининскихъ мастеровъ.

Черемушки, бывшая усадьба Меньшиковыхъ. Конный дворъ.

Черемушки, бывшая усадьба Меньшиковыхъ. Бесѣдка въ паркѣ.

Въ Черемушкахъ едва ли работали крѣпостные архитектора: чувствуется рука хорошаго мастера. Соображенія о крѣпостныхъ строителяхъ приходятъ въ голову только относительно воротъ передъ барскимъ домомъ. Рубчатыя колонны, каменныя вазы наверху—все это свойственно серединѣ XVIII-го вѣка, а никакъ не эпохѣ классицизма. Такимъ образомъ эти ворота или остатокъ старой усадьбы, обстроенной въ серединѣ XVIII-го вѣка, или они сооружены доморощенными мастерами, знающими только, что каждая усадебная постройка должна быть снабжена колоннами...

Домъ, очень красиво поставленый въ концѣ длинной перспективы нѣсколько перестроенъ, особенно въ боковыхъ частяхъ. Пострадали больше всего наружныя детали. Въ его формахъ есть отзвуки казаковской школы, изъ которыхъ самое убѣдительное—куполъ. Внутри бросается въ глаза отличное расположеніе комнатъ: вестибюль и залъ соединены дверью, открывающей сквозь стеклянныя входныя двери далекій видъ на перспективу въ сторону коннаго двора, и на террасу, прудъ и гористую просѣку за нимъ.

Въ домѣ Черемушекъ самое интересное—прекрасный залъ: онъ весь бѣлый, свѣтлый, украшенъ только углубленіями съ карнизами и двумя колоннами. По карнизу проходитъ великолѣный скульптурный фризъ. Все однотонно, но въ солнечномъ деревенскомъ свѣтѣ бѣлыя стѣны пріобрѣтаютъ удивительную легкость, прозрачность, и создаютъ прекрасную гармонію съ густыми тѣнями, бросаемыми солнцемъ...

Эта зала представляется главной загадкой Черемушекъ. Она не соотвѣтствуетъ остальнымъ архитектурнымъ украшеніямъ усадьбы. Утонченная гармонія замысла, а больше всего рисунокъ фриза изъ грифоновъ, все это свидѣтельствуетъ о Джилярди, т.-е. о 1810-хъ или 1820-хъ годахъ!

Во всякомъ случаѣ это одно изъ лучшихъ созданій московскаго классицизма.

Возсозданіе классическихъ формъ только тогда перестаетъ быть «псевдоклассицизмомъ», когда удается заимствованныя у древняго искусства формы—колонны, фронтоны и пилястры, овѣять той изумительной гармоніей, въ которой суть и тайна обаянія классицизма. Въ Россіи первымъ воплотителемъ этой ясной одухотворенной красоты былъ Кваренги, по его слѣдамъ пошли въ Петербургѣ Захаровъ, томонъ, иногда Плавовъ. Въ Москвѣ чаще всего удавались такія достиженія Джилярди; изъ нихъ высшее—конный дворъ въ Кузьминкахъ. Кто-то близкій по духу къ Джилярди (можетъ-быть, онъ самъ!) создалъ бѣлую залу Черемушекъ и далъ въ ней дивное воплощеніе яснаго духа античности!..

За стеклянными дверями видна полукруглая терраса, обставленная колоннами, вблизи кажущимися особенно мощными, прудъ, зеленый и темный отъ отраженныхъ имъ деревьевъ парка, самый паркъ, убѣгающая въ гору дорога. Нехитрая картина—эти колонны на фонѣ пейзажа, но вѣетъ отъ этого стараго искусства неизъяснимымъ покоемъ и величіемъ.

Какъ бы не чернить соціальныя язвы и пороки стараго барства, все же, пока живы созданныя ими колоннады и прекрасные залы, видно, что не могли создавать такія вещи мелкіе, суетливые, дряблые люди: было бы имъ пусто, холодно, хотѣлось бы большаго уюта, большаго подчеркиванія ихъ культурности, ихъ любви къ красотѣ. Было въ душахъ, создавшихъ и принявшихъ эту красоту, что-то отъ людей трагедій Озерова, отъ мощныхъ героевъ съ титаническими страстями, отъ той безбрежной мощи человѣческаго духа, которая создала «Екатерининскихъ орловъ», Наполеона, его сподвижниковъ и ихъ достойныхъ противниковъ!

Налѣво отъ дома въ паркѣ, надъ обрывомъ когда-то существовавшаго пруда, высятся два небольшихъ дорическихъ павильона — очаровательные, словно игрушечные, домики, сдѣланные хорошей и опытной рукой. Долгое время они стояли заброшенными, забитые къ чему-то дощатыми щитами, но теперь тщательно реставрируются новымъ владѣльцемъ.

Со стороны обрыва они украшены островерхими рустованными башенками, по типу близкими къ башнямъ коннаго двора. Ихъ строилъ, видимо, одинъ и тотъ же художникъ.

Подобныя произведенія «садовой архитектуры» обыкновенно получали своеобразныя наименованія, овѣвающія ихъ ароматомъ эпохи. Ими опредѣляются тѣ цѣли, для которыхъ сооружались эти павильоны и бесѣдки, тѣ потребности, которымъ они были нужны. Сохранились же эти старинныя наименованія только въ тѣхъ усадьбахъ, гдѣ еще живы семейныя традиціи, гдѣ потомки любятъ то, что создали и чѣмъ гордились предки.

Справа отъ дома расположено нѣсколько корпусовъ службъ, довольно неопредѣленнаго архитектурнаго облика. Очень оригиналенъ, нѣсколько неуклюжій со своимъ огромнымъ куполомъ, небольшой павильонъ на берегу пруда.

Направо отъ дороги на Москву помѣщенъ огромный четырехугольный конный дворъ. Въ серединѣ его прорѣзаетъ перспектива, идущая по прямой линіи отъ барскаго дома. Ее окаймляютъ четыре парныхъ башни, при чемъ наиболѣе оригинальна передняя пара, ближайшая къ дому.

Хотя эти круглыя башни снабжены колоннами, поддерживающими круговой карнизъ, но классическаго въ нихъ очень мало. Онѣ сильно вытянуты вверхъ и заканчиваются островерхими шатрами.

Это уже только оригинально.

Самыя памятныя впечатлѣнія Черемушекъ—это бѣлая зала, бѣлыя колонны террасы на фонѣ пруда и золотистой осенней зелени; затѣмъ паркъ съ тщательно проведенными дорожками, усѣянными листьями липъ; за темными стволами всюду бѣлѣютъ колонны, стѣны — и эти образы на-

шего прошлаго самыя поэтичныя, самыя идиллическія страницы русской жизни. Если въ ней, уже много вѣковъ, царитъ дисгармонія, если вялый ходъ ея лишенъ малѣйшаго ритма, здѣсь въ старыхъ усадьбахъ принимаетъ душа гармоничный покой, и впечатлѣнія проходятъ нѣжной чередой, ритмичной какъ шопотъ старинныхъ деревьевъ, какъ осенняя рябь пруда, похожаго на смятую свинцовую бумагу...

Этотъ элегическій нѣжный ритмъ — истинная стихія русской души. Развѣ не его отзвуки слышатся подъ сводами новгородскихъ и ярославскихъ церквей, овѣянныхъ тихими видѣніями иконописцевъ? Развѣ не имъ плѣняютъ, навѣвая тихую дрему, березовыя рощи, шопотъ хвойнаго бора, безконечныя поля, медленныя равнинныя рѣки?

IV. Подмосковныя Румянцевыхъ.

Самое удивительное въ XVIII вѣкѣ — все-таки его люди. Біографіи его героевъ разрушаютъ всѣ привычныя представленія и выглядятъ, тѣмъ болѣе на разстояніи вѣковъ, фантастической легендой. Скромнаго юношу забрасываетъ судьба въ раззолоченные дворцы и дѣлаетъ его «некоронованнымъ императоромъ»; откуда-то появляются невѣдомые люди, обнаруживаютъ ослѣпительныя дарованія и становятся великими полководцами, геніальными государственными дѣятелями; таинственные авантюристы выплываютъ на поверхность жизни и подчиняютъ своимъ чарамъ лучшіе умы Европы; являются откуда-то красавицы, блещутъ богатствомъ, вспѣняютъ вокругъ себя море страстей и также неожиданно исчезаютъ...

Особенно много такихъ феерическихъ біографій и родовыхъ исторій было въ Россіи. Къ числу ихъ принадлежитъ и исторія рода Румянцевыхъ, выплывшаго внезапно при Петрѣ Великомъ, прославившагося во второмъ поколѣніи при Екатеринѣ II и угаснувшаго въ третьемъ въ первой половинѣ XIX-го вѣка.

Александръ Ивановичъ Румянцевъ (1680—1749 г.), былъ приближеннымъ Петра. Бѣдный костромской дворянинъ, онъ былъ солдатомъ Преображенскаго полка. Ему удалось открыть въ Неаполѣ мѣстопребываніе скрывшагося царевича Алексѣя; съ этого началось его благосостояніе и привязанность со стороны царя. Петръ женилъ его на дочери графа Матвѣева Маріи Андреевнѣ, по преданію — одной изъ своихъ привязанностей. Ея старческій портретъ, написанный добросовѣстнымъ Антроповымъ, есть въ музеѣ Александра III. Въ 1744 г. Румянцевъ получилъ графское достоинство.

Его сынъ Петръ Александровичъ (1725 — 1796 гг.), великій екатерининскій полководецъ, фельдмаршалъ Румянцевъ-Задунайскій. За по-

Измайлово. Заднія ворота. 1679 г.

В. И. Демутъ-Малиновскій. Памятникъ Екатеринѣ II въ с. Фенинѣ. 1834 г.

бѣды надъ турками онъ былъ щедро награжденъ императрицей Екатериной II, получивъ огромныя помѣстья подъ Москвой, въ Малороссіи и Лифляндіи [1]).

Послѣдними Румянцевыми были два его сына — Николай и Сергѣй. Николай Петровичъ (1754—1826 гг.), государственный канцлеръ, создатель Румянцевскаго музея, очень много сдѣлалъ для русской исторической науки: разыскивалъ и печаталъ лѣтописи, собиралъ памятники древне-русской письменности. Имъ издано капитальное «Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ», «Собраніе лѣтописей», «Акты археографической экспедиціи» и т. д.

Сергѣй Петровичъ Румянцевъ (1755—1838 гг.) не внесъ свое имя на страницы исторіи, и вся тихая жизнь его, словно предчувствовавшаго угасаніе своего славнаго рода, кажется озаренной вечернимъ солнцемъ.

Кругомъ Москвы было нѣсколько усадебъ Румянцевыхъ: Троицкое-Кайнарджи, Кагулъ, Соколово. Въ большей части ихъ осталось очень мало, но то, что осталось крайне интересно.

Мѣстность къ востоку отъ Москвы, по сторонамъ знаменитой Владимірки, была густо заселена усадьбами. Ихъ и теперь тамъ не мало. Горенки—Разумовскихъ, Троицкое-Кайнарджи—Румянцевыхъ, Быково — Воронцовыхъ-Дашковыхъ, Люберцы—Барятинскихъ и др. О большомъ количествѣ ранѣе существовавшихъ барскихъ имѣній свидѣтельствуютъ названія селъ и урочищъ. Наконецъ, во многихъ мѣстахъ, гдѣ теперь дачные поселки или пустыри, стоятъ рядами по линіи прежнихъ дорожекъ огромныя липы—послѣдніе остатки барской усадьбы...

Здѣсь начинается типичный русскій пейзажъ, поля и перелѣски. Нѣтъ ничего подгороднаго, подмосковнаго, если забыть о вырисовывающихся со всѣхъ сторонъ на горизонтѣ фабричныхъ трубахъ. На отлогомъ берегу рѣчушки Пехорки стоитъ деревня Фенино. На ея пыльной улицѣ такъ странно и неожиданно высится бронзовая статуя. На бѣломъ постаментѣ стоитъ бюстъ Екатерины II въ шлемѣ. На постаментъ опирается классическая фигура въ ростъ — богиня съ копьемъ.

Этотъ памятникъ Екатеринѣ II, сдѣланный великимъ скульпторомъ начала XIX вѣка В. И. Демутомъ Малиновскимъ, поставленъ въ 1834 году гр. С. П. Румянцевымъ. «Отъ Екатерины дана сему мѣсту знаменитость, оглашающая навсегда заслуги графа Румянцова-Задунайскаго» — гласитъ надпись на постаментѣ.

За рѣкой, напротивъ Фенина, раскинулась деревня Троицкое-Кайнарджи. «Кайнарджи» назвалъ ее Румянцевъ въ память мѣста своей славы; точно такъ же на нѣкоторомъ разстояніи есть мѣстность Кагулъ,

1) *Карновичъ*. Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи.

названная такъ въ память побѣды, одержанной имъ при Кагулѣ 21-го іюля 1770 г.

Надпись на постаментѣ можетъ показаться теперь ироніей. Какая ужъ тутъ знаменитость, если о памятникѣ Екатерины знаютъ можетъ-быть всего нѣсколько сотенъ человѣкъ! Но все же, поскольку есть у этого мѣста историческія воспоминанія, они связаны съ Екатериной и Румянцевымъ!...

Побѣдоносная война съ турками закончилась Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ, заключеннымъ Румянцевымъ 10 іюля 1774 года. Румянцевъ былъ награжденъ Екатериной съ небывалой, даже въ XVIII-емъ вѣкѣ, щедростью. Онъ получилъ 12 наградъ: «1) Наименованіе Задунайскаго для прославленія его перехода черезъ Дунай; 2) Грамату съ прописаніемъ побѣдъ его; 3) Фельдмаршалскій жезлъ, украшенный алмазами,—за разумное полководство; 4) Шпагу, украшенную драгоцѣнными камнями—за храбрыя предпріятія; 5) Лавровый вѣнокъ—за побѣды; 6) Масляничную вѣтвь, осыпанную алмазами, и вѣнокъ—за заключеніе міра; 7) Крестъ и звѣзду, осыпанную бриллiантами,—въ знакъ монаршаго благоволенія; 8) Медаль съ его изображеніемъ—въ честь его и для поощренія примѣромъ его потомства; 9) Деревню въ 5000 душъ въ Бѣлоруссіи—для увеселенія его; 10) 100.000 р. изъ Кабинета—для построенія дома; 11) Серебряный сервизъ для стола и 12) Картины для убранства въ домѣ» [1]).

Кромѣ того Румянцеву предлагала императрица «въѣхать въ Москву на тріумфальной колесницѣ сквозь торжественныя ворота», но онъ отказался отъ тріумфа «подобно римскому побѣдителю». Въ 1775 году въ Москвѣ начались празднества по случаю Кайнарджійскаго мира и чествованіе Румянцева. Торжества длились десять дней. У Никольскихъ и Воскресенскихъ воротъ были воздвигнуты тріумфальныя арки; на Ходынскомъ полѣ по мысли самой императрицы архитекторомъ Баженовымъ были возведены крѣпости наподобіе отнятыхъ Румянцевымъ у турокъ, театры, храмы и бесѣдки, получавшія наименованія мѣстъ, игравшихъ роль въ законченной войнѣ. Затѣмъ торжества перенеслись въ подмосковную Румянцева Троицкое, получившее въ это время наименованіе «Кайнарджи».

Троицкое перешло къ П. А. Румянцеву въ 1760 году. Онъ выстроилъ здѣсь огромный домъ и многочисленныя службы, оранжереи, развелъ сады, выкопалъ пруды и создалъ великолѣпную усадьбу. Во время Кайнарджійскихъ празднествъ императрица со всѣмъ дворомъ пріѣхала въ Троицкое. Весь пышный кортежъ размѣстился въ роскошныхъ шатрахъ. На открытомъ воздухѣ были разставлены столы для всѣхъ присутствующихъ, и троицкіе старожилы еще долго указывали мѣстность «Столы», гдѣ, по преданію, пировали гости Румянцева. По мѣстному преданію сама императрица переименовала Троицкое въ Кайнарджи. Нѣсколько дней длились

[1]) *А. Ивановскій.* Гр. Н. П. Румянцевъ. С.-Пб. 1871 г.

Соколово, бывшая усадьба Румянцевыхъ. Церковь Благовѣщенія. Начало XIX вѣка.

Соколово, бывшая усадьба Румянцевыхъ. Домъ въ паркѣ.
Начало XIX вѣка.

торжества и увеселенія; музыка, цыганское пѣніе и пляска, по вечерамъ иллюминація и фейерверки на пруду...

Какъ и большая часть подмосковныхъ, Троицкое-Кайнарджи очень скоро было запущено. Въ 1812 году его посѣтили французы и ограбили богато украшенную Задунайскимъ церковь.

Все исчезло, осталась только церковь да отдаленные слѣды когда-то бывшей роскошной усадьбы.

Самый очевидный остатокъ ея — прекрасный липовый паркъ. Построекъ не сохранилось никакихъ, кромѣ длиннаго и низкаго корпуса съ полукруглымъ выступомъ въ серединѣ. Это бѣлое одноэтажное зданіе стоитъ вдоль пруда. По мѣстнымъ преданіямъ это господскій домъ.

На стѣнахъ бѣлаго зданія торчатъ кронштейны—память о когда-то бывшемъ балконѣ. Каменная лѣстница, расшатанная временамъ, почти ушедшая въ землю, ведетъ къ пруду. И прудъ дополняетъ эту картину смерти и разрушенія, онъ весь густо заросшій рясками, черный, тинистый, съ обвалившимися берегами...

Кругомъ густо разрастаются молодыя поросли и надъ ними высоко поднимаются старыя столѣтнія липы—эта эмблема помѣщичьей Россіи: вѣдь нѣтъ ни одной усадьбы, гдѣ бы не было липъ!

Безспорные слѣды владѣнія этимъ мѣстомъ Румянцева сохранились въ церковной оградѣ. Тутъ стоитъ великолѣпная, хотя и небольшая, построенная въ 1777 году бѣло-желтая церковь съ массивнымъ куполомъ и двумя высокими башнями съ западной стороны—прекрасный образецъ ранней Екатерининской архитектуры. Въ это любопытнѣйшее въ исторіи русскаго искусства время уже надвигались классическія формы, но пониманіе красоты, основные архитектурные принципы еще были связаны съ традиціями барокко. Всѣ декораціи Троицкой церкви—гирлянды на аттикахъ, круглыя люкарны, высокій фронтонъ на западной стѣнѣ, такіе нарядныя и граціозныя,—совершенно въ духѣ XVIII-го вѣка; но колонны, башни, прямые карнизы предвѣщаютъ близость классицизма. Однако всѣ классическія формы воспринимаются авторомъ Троицкой церкви сквозь призму изящества и легкости, отличающихъ эпоху барокко: колонны хрупки, вытянуты, больше украшаютъ стѣны, чѣмъ поддерживаютъ карнизы; всѣ пропорціи церкви пронизаны утонченной граціей, на смѣну которой принесъ классицизмъ свою могучую гармонію...

Этотъ переходный стиль, отмѣченный въ русскомъ строительствѣ именами Деламотта и Ринальди, отчасти Фельтена, довольно богато представленъ на югѣ въ Черниговской губерніи, во владѣніяхъ Разумовскихъ, въ Петербургѣ, въ Твери. Въ Москвѣ, особенно въ церковной архитектурѣ, онъ встрѣчается очень рѣдко. Съ одной стороны въ Москвѣ дольше

держались барочные завѣты Мичурина и Дм. Ухтомскаго, съ другой — здѣсь раньше, уже въ серединѣ 1770-хъ годовъ, привился классицизмъ.

Кромѣ Троицкой церкви, въ Москвѣ и вокругъ ея трудно указать хотя бы одинъ памятникъ, такъ ярко и вмѣстѣ съ тѣмъ типично характеризующій эту переходную эпоху.

Къ востоку отъ церкви находится небольшой круглый мавзолей съ портикомъ. Въ немъ похороненъ гр. С. П. Румянцевъ.

Троицкая церковь красиво высится на лугу, на отлогомъ берегу рѣки Пехорки. За рѣкой раскинулась деревня Фенино, тоже принадлежавшая Румянцеву. Здѣсь среди пыльной деревенской улицы высится на гранитномъ пьедесталѣ сложная бронзовая скульптура, памятникъ Екатеринѣ Великой, «отъ которой дана сему мѣсту знаменитость».

Опираясь на мраморный постаментъ стоитъ крылатая богиня Мира съ оливковой вѣтвью въ лѣвой рукѣ. У ея ногъ, вползая на постаментъ, извивается змѣя мудрости. На постаментѣ бюстъ Екатерины въ классическомъ шлемѣ, бюстъ «Сѣверной Минервы». Гармоничныя линіи классической скульптуры мало соотвѣтствуютъ окружающей обстановкѣ — пустынной деревенской улицѣ, угловатымъ контурамъ палисадниковъ и домовъ. И этотъ контрастъ овѣваетъ памятникъ громадной выразительностью, дѣлаетъ его символомъ. Какъ въ тихую русскую жизнь ворвались когда-то бѣлые парики, жеманныя улыбки, высокопарныя слова, выросли невиданные дома съ колоннами, гирляндами и барельефами, ворвались на одно мгновеніе и исчезли почти безъ слѣдовъ, такъ и бронзовая богиня на улицѣ подмосковнаго села остается одинокой подъ русскимъ небомъ...

Создатель ея В. И. Демутъ-Малиновскій, послѣдній изъ классиковъ русской скульптуры. Онъ отдалъ дань своему времени, перемѣнившимся вкусамъ, и часто брался за русскія темы, часто придавалъ своимъ классическимъ фигурамъ русскія черты. Такъ и здѣсь лицу богини Мира онъ придалъ не вполнѣ классическій типъ, съ нѣкоторымъ уклономъ въ сторону «русской красоты», и надѣлъ ей головной уборъ, одинаково похожій и на греческую діадему и на русскій кокошникъ.

Въ 2 верстахъ отъ Кайнарджи гр. Н. П. Румянцевъ устроилъ въ 1797 году ферму и назвалъ ее «Кагулъ», въ память мѣста побѣды своего отца надъ турками. Онъ устроилъ здѣсь образцовое хозяйство, но послѣ 1812 года ферма оказалась въ запустѣніи, и теперь въ Кагулѣ сохранился отъ временъ Румянцевыхъ только одинъ прудъ. Вся эта мѣстность перешла къ кн. Голицынымъ.

Кромѣ этого завѣтнаго гнѣзда Румянцевыхъ, есть подъ Москвой еще одна усадьба, принадлежавшая имъ, гораздо менѣе популярная, чѣмъ Кайнарджи, и поэтому лишенная всякихъ историческихъ свидѣтельствъ. Это

Соколово, теперь принадлежашее г. Нентцель и находящееся въ 3 верстахъ отъ станціи Химки Николаевской ж. д.

Объ этой усадьбѣ упоминаетъ Панаевъ: «Герценъ, лѣтомъ 1845 года переѣхалъ на дачу въ Соколово, — старинное барское село, нѣкогда принадлежавшее Румянцевымъ, въ 20 верстахъ отъ Москвы по Петербургской дорогѣ. Въ паркѣ нѣсколько домовъ и домиковъ, мѣсто очень живописное. Герценъ занялъ домъ въ паркѣ на горѣ надъ небольшой рѣчкой. Влѣво въ полуверстѣ отъ дома, гдѣ кончался паркъ, стояла бесѣдка въ густой зелени, называвшаяся Belle-vue, изъ нея былъ отличный видъ вдаль; вправо разстилались луга и хлѣбная степь. Грановскій, Коршъ, Боткинъ, Кетчеръ и другіе ѣздили туда каждую субботу, оставаясь до понедѣльника.» [1])

Усадьба Соколова сохранилась, хотя и не въ томъ видѣ, какъ ее описываетъ Панаевъ. Расположеніе ея на берегу рѣчки Сходни на рѣдкость живописное; кругомъ нея, кругомъ ея стараго парка раскинулся сгущенно-типичный русскій пейзажъ—рѣчка въ зеленомъ оврагѣ, отлогій откосъ съ деревенскими хатами и златоглавой церковью, обширный горизонтъ полей. Изъ всѣхъ подмосковныхъ Соколово наиболѣе овѣянная той элегической прелестью спящаго дворянскаго гнѣзда, которой полны повѣсти Тургенева, въ которой только и могъ разыграться Чеховскій «Домъ съ мезониномъ»...

Осенью, послѣ вязкой и тряской дороги, торжественный покой охватываетъ въ паркѣ. Сквозь голыя вѣтви липъ и березъ издали видны бѣлыя колонны дома, бѣлая двухъярусная колокольня церкви. На фонѣ осенняго лѣса особой значительностью наполняются всѣ эти портики и фронтоны: много разъ видѣнная и перечувствованная, снова очаровываетъ эта крупинка вѣковѣчной мудрости, одно изъ самыхъ упорныхъ эстетическихъ преклоненій человѣчества!..

Въ усадьбѣ сохранилась церковь Благовѣщенія и небольшой домикъ въ паркѣ, теперь дача № 9. Бесѣдка «Belle vue» не существуетъ. Церковь довольно несуразная, сильно растянутая въ цѣломъ, повидимому сложившаяся изъ разновременныхъ построекъ, интересна въ западной части. Довольно умѣлый и изобрѣтательный мастеръ классикъ поставилъ надъ западнымъ входомъ двухярусную колокольню, образованную двумя рядами арокъ и увѣнчанную низкимъ полусферическимъ куполомъ. По замыслу она напоминаетъ древне-московскія колокольни съ ихъ сквозными пролетами.

Надо полагать, что дача № 9 это тотъ домикъ, въ которомъ жилъ Герценъ, «на горѣ надъ небольшой рѣчкой... въ полуверстѣ отъ конца парка». Фасадъ отъ дороги украшенъ четырьмя іоническими колоннами,

[1]) «Литературныя воспоминанія», стр. 221.

пересѣченными баллюстрадой балкона. Сторона, выходящая къ парку и рѣчкѣ, образуетъ полукруглый выступъ. Въ архитектурномъ отношеніи домъ не представляетъ существеннаго интереса. Въ немъ вполнѣ опредѣленно сказывается Казаковская школа.

Кромѣ этихъ двухъ построекъ въ усадьбѣ существовалъ старый барскій домъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ церкви, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ сгорѣлъ.

Пройдетъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ, сгорятъ или разрушатся и остальныя усадьбы. Тогда человѣчество постарѣетъ еще на вѣкъ, потому что забудетъ одинъ изъ этаповъ своей юности. Тогда романтическая эпоха колоннадъ и барельефовъ станетъ такой далекой и непонятной, какъ для насъ теперь какой-нибудь десятый вѣкъ. И мѣсто усадебъ займутъ наши дома и наши картины...

Такъ будетъ, такъ должно быть. Но пока не пришли эти новые люди, еще долго будутъ дороги опустѣвшіе парки и расшатанныя колоннады. Въ тѣни и холодѣ ихъ, на дорожкахъ, усѣянныхъ тяжелыми влажными листьями, проснутся въ душѣ какія-то дремлющія воспоминанія, можетъ-быть—родовая память, и отзовется такъ же неясно, и такъ же ласково, какъ отзываются дѣтскіе годы...

Не художественная красота дорога въ этихъ памятникахъ прошлаго, а любовь къ нимъ, тысячи воспоминаній и ассоціацій, разстаться съ которыми нельзя и не надо!..

V. Нескучное.

17

Въ началѣ XIX вѣка не было въ Москвѣ болѣе популярнаго мѣста, чѣмъ Нескучное. Здѣсь жилъ гр. А. Г. Орловъ-Чесменскій; его пріемы, лѣтомъ—иллюминаціи и театральныя представленія, его бѣга и «карусели», кулачные бои и голуби, его несмѣтное богатство и слава былыхъ подвиговъ неустанно занимали Москву, отъ знатныхъ бояръ и до уличной толпы...

Даже среди гигантскихъ фигуръ «Екатерининскихъ орловъ» Орловъ-Чесменскій выдѣляется изумительной мощью и цѣльностью натуры.

Ихъ было пять братьевъ великановъ, вѣрныхъ сподвижниковъ Екатерины II. Алексѣй Орловъ родился въ 1735 году; въ 1749 поступилъ солдатомъ въ Преображенскій полкъ. Переворотъ 28 іюня 1762 года, принесшій Екатеринѣ тронъ, возвысилъ Орловыхъ. Скоро Алексѣй Орловъ былъ произведенъ въ секундъ-майоры, затѣмъ получилъ орденъ Александра Невскаго. Онъ былъ приставленъ наблюдать за Петромъ III и былъ виновникомъ его смерти. По собственному объясненію, зашибъ его, играя въ чехарду и повздоривъ...

Соколово, бывшая усадьба Румянцевыхъ. Домъ въ паркѣ.
Начало XIX вѣка.

Пока длится вліяніе фаворита Григорія Орлова, Алексѣй продолжаетъ получать все новыя милости: въ 1766 году онъ получаетъ въ полное владѣніе подмосковныя села — Островъ и Бесѣды, и ежегодный «секретный пенсіонъ» въ 25.000 руб.

Въ 1767 году Орловъ отправляется за границу съ тайнымъ порученіемъ ознакомиться на мѣстѣ съ положеніемъ грековъ и славянъ, подъ турецкимъ игомъ[1]). На путевые расходы и лѣченіе послѣ перенесенной болѣзни ему пожаловано 200.000 руб.

Затѣмъ Орловъ командовалъ русскимъ флотомъ въ Архипелагѣ и за побѣду надъ турецкимъ флотомъ въ Хіоскомъ проливѣ получилъ титулъ Чесменскаго. М. М. Херасковъ воспѣлъ подвиги Орлова въ длинной поэмѣ «Чесменскій бой»:

Повсюду шумъ и стонъ, и понтъ и небо тмится,
И смерть отъ кораблей къ другимъ какъ вихрь стремится.
Куда ни обратись, увидишь адъ вездѣ,
Отвсюду молній блескъ, спасенья нѣтъ нигдѣ;
Сгустился воздухъ весь, земля вдали трепещетъ,
И въ черномъ вихрѣ смерть, вращая косу, блещетъ...

Послѣ побѣды Орловъ вернулся въ Петербургъ. Въ 1774 году онъ снова отправляется въ Архипелагъ. Въ Ливорно онъ вѣроломно ловитъ таинственную княжну Тараканову. Но звѣзда Орловыхъ уже закатывается; входитъ въ силу Потемкинъ и, вернувшись въ Петербургъ въ концѣ 1775 года, чесменскій герой уходитъ въ отставку.

Покончивъ со службой Орловъ удаляется въ Москву и селится у Калужской заставы въ Нескучномъ. Обиженный опалой, онъ живетъ въ Москвѣ тихо, не пользуясь еще той популярностью, которая окружила позднѣе его имя. Въ 1782 году Чесменскій женится на А. Н. Лопухиной. Въ 1785 году у него родится дочь Анна, будущая наслѣдница всего его состоянія. Будучи въ Москвѣ въ 1787 году, Екатерина II посѣтила Орлова въ Нескучномъ. Ему было предложено вернуться на службу—онъ не захотѣлъ.

Когда воцарился Павелъ I, Орловъ былъ въ Петербургѣ. При перенесеніи тѣла Петра III изъ Александро-Невской лавры въ Зимній дворецъ, онъ несъ императорскую корону. Такъ убійца воздалъ послѣднюю почесть убитому! Пока царствовалъ Павелъ, Орловъ жилъ за границей. Получивъ извѣстіе о воцареніи Александра, онъ тотчасъ вернулся въ Россію и поселился въ Москвѣ, гдѣ и прожилъ до конца своихъ дней.

Среди московскихъ вельможъ начала XIX вѣка графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій занималъ совершенно исключительное мѣсто. Несмѣтн-

[1]) «Русскій Архивъ». 1904 г. № 8. Ст. Голомбіевскаго.

богатый, щедрый, размашистый, онъ славился не только своимъ богатствомъ и гостепріимствомъ: «какое-то очарованіе окружало богатыря Великой Екатерины, отдыхавшаго на лаврахъ въ простотѣ частной жизни, и привлекало къ нему любовь народную. Неограниченно было уваженіе къ нему всѣхъ сословій Москвы, и это уваженіе было дано не сану богатаго вельможи, но личнымъ его качествамъ». Этими личными качествами была громкая слава подвиговъ Орлова, его богатырская внѣшность, наконецъ его любовь къ стариннымъ русскимъ забавамъ. Въ Москвѣ славились его лошади—«орловскіе рысаки», при чемъ самъ графъ выѣзжалъ на бѣга. Онъ держалъ «голубиную охоту», наблюдая въ серебряной мискѣ съ водой отраженіе полета голубей. Единственный среди утонченныхъ московскихъ баръ, онъ культивировалъ исконный русскій спортъ—кулачный бой и щедро награждалъ отличившихся бойцовъ.

Миссъ Вильмотъ, посѣтившая Москву въ 1805-6 году, пишетъ, что А. Г. Орловъ «своимъ богатствомъ превосходитъ всѣхъ владыкъ образованнаго міра и утопаетъ среди чисто азіатской роскоши».

Больше всего эта роскошь проявлялась въ устройствѣ баловъ, маскарадовъ и обѣдовъ, фейерверковъ и гуляній въ Нескучномъ.

«Любя истинно все коренное русское, онъ заблагоразсудилъ оставить великолѣпіе Двора и переселился въ сосѣдство древнихъ сыновъ отечества. Ему послѣдовали и другіе почтеннѣйшіе его братья, и рядъ домовъ ихъ составилъ въ Москвѣ цѣлую новую улицу, представляющую собой рѣдкое сочетаніе вкуса, богатства и ума...» [1]). Умѣнье любить «все русское» выдѣляло Чесменскаго изъ прочихъ московскихъ вельможъ. На вершинѣ могущества и богатства онъ сумѣлъ остаться тѣмъ, чѣмъ родился. Его не прельстила, какъ большую часть русскихъ баръ XVIII вѣка, мода на западничество, на щегольство «англійскими камзолами и парижскимъ діалектомъ». Орлова не проняла культура, онъ остался немного дикимъ человѣкомъ Россіи XVIII вѣка съ удалыми забавами, съ прочными навыками. «Дыша, такъ сказать, русскимъ, гр. Алексѣй Григорьевичъ любилъ до старости всѣ отечественные обряды, нравы и веселости. Бойцы, борцы, силачи, пѣсельники, плясуны, скакуны и ѣздоки на лошадяхъ, словомъ все, что только означало мужество, силу, твердость, достоинство и искусство русскаго, стекалось въ домъ его въ обиліи». [2]).

О забавахъ, устраивавшихся Орловымъ на Калужскомъ полѣ противъ своего дома, упоминаютъ всѣ, кто описывалъ московскую жизнь начала XIX вѣка.

«Послѣ скачки передъ бесѣдкой гр. Орлова, пѣли и плясали цыганы, изъ нихъ одинъ немолодой, необычной толщины, плясалъ въ

---

1) *Страховъ*. Мои Санктъ-Петербургскіе сумерки.

2) *Ушаковъ*. Жизнь гр. А. Г. Орлова-Чесменскаго. С.-Пб. 1811 г.

бѣломъ кафтанѣ съ золотыми позументами и замѣтно отличался отъ другихъ... Этотъ толстякъ показался мнѣ чрезвычайно искуснымъ, даже краснорѣчивымъ въ своихъ тѣлодвиженіяхъ. Онъ какъ-будто и не плясалъ... а между тѣмъ выходило прекрасно, ловко, живо и благородно. Послѣ цыганской пляски завязался кулачный бой... соперники предварительно обнимались и троекратно цѣловались... Побѣдителемъ вышелъ трактирный служка изъ пѣвческаго трактира Герасимъ, ярославецъ, мужичокъ лѣтъ 50...

По окончаніи всѣхъ этихъ продѣлокъ, графъ сѣлъ съ дочерью въ подвезенную одноколку, запряженную 4 гнѣдыми скакунами въ рядъ, ловко подобралъ вожжи, и, гикнувъ на лошадей, пустился во весь опоръ по скаковому кругу и обскакавъ его два раза, круто повернулъ на дорогу къ дому и исчезъ какъ ураганъ какой...» [1]).

Это было въ 1805 году, за три года до смерти Орлова, когда ему было 70 лѣтъ!

На народныя гулянья Чесменскій выѣзжалъ въ парадномъ мундирѣ, обвѣшанный орденами. «Статный конь его былъ въ азіатской сбруѣ, при чемъ сѣдло, уздечка и чепракъ были усыпаны золотомъ и драгоцѣнными каменьями. Немного поодаль отъ графа ѣхала его дочь и нѣсколько дамъ на превосходнѣйшихъ лошадяхъ въ сопровожденіи знатныхъ кавалеровъ. За ними слѣдовали берейторы и конюхи графа, въ числѣ не менѣе 40 человѣкъ, изъ которыхъ многіе имѣли въ поводу по заводской лошади въ роскошно вышитыхъ попонахъ... Затѣмъ тянулся рядъ богатыхъ графскихъ экипажей».

По воспоминаніямъ профессора московскаго университета П. И. Страхова, современника Орлова: «Вотъ молва вполголоса бѣжитъ съ губъ въ губы: «ѣдетъ, ѣдетъ, изволитъ ѣхать»! Всѣ головы оборачиваются въ сторону къ дому Алексѣя Григорьевича; множество любопытныхъ зрителей всякаго званія и лѣтъ разомъ скидаютъ шапки долой съ головъ...»

Орловъ первый выписалъ изъ Молдавіи цыганъ въ Москву и положилъ начало любителямъ цыганскаго пѣнія.

Въ манежѣ при его домѣ часто устраивались карусели, собиравшія высшее общество Москвы. Среди низовъ Москвы славу Орлова поддерживали устраивавшіеся имъ кулачные, гусиные и пѣтушиные бои. Не было, кажется, ни одной простонародной забавы, которой бы не отдалъ дани графъ Орловъ.

Окруженный всеобщимъ преклоненіемъ, Орловъ держалъ себя подчасъ грубо, но грубость такой особы никого не оскорбляла и передавалась въ качествѣ курьёза. Многіе современники разсказываютъ, какъ графъ выпроваживалъ гостей. «Въ Нескучномъ разъ въ недѣлю собиралось къ графу многолюдное общество. Пѣли, плясали, но въ 11 часовъ трубилъ

---

[1]) *С. П. Жихаревъ.* Дневникъ студента.

рогъ, графъ подымался съ своего мѣста и произносилъ «heraus» (т.-е. вонъ)! и разъѣздъ начинался.» [1]).

Подъ безпредѣльной удалью и широтой натуры Орловъ-Чесменскій скрывалъ большую осторожность и расчетливость. «Дѣлалъ много добра и явно, и тайно... Доброта его была не столько результатомъ добраго отъ природы сердца, сколько расчетомъ сильнаго ума. Онъ не былъ способенъ къ увлеченію, былъ скрытенъ и неоткровененъ, иногда холодно относился къ людямъ и не скоро сходился съ ними...» [2]).

Его гостепріимство, его веселыя забавы были средствомъ поддержать популярность своего имени, созданную боевыми подвигами, стоять въ ряду первыхъ лицъ Москвы. Это вполнѣ удалось Орлову: ни о комъ изъ московскихъ вельможъ начала вѣка нѣтъ такихъ восторженныхъ и многочисленныхъ отзывовъ...

Одинъ изъ его панегиристовъ П. Страховъ пишетъ: «Однимъ словомъ, гр. Алексѣй Григорьевичъ былъ не только почтеннѣйшимъ и наилюбезнѣйшимъ Русскимъ бояриномъ, но и душою, соединяющею Россійскихъ дворянъ, сердцемъ общенародныхъ веселостей, нравовъ и обычаевъ, надеждою нещастнаго, кошелькомъ бѣднаго, посохомъ храмого, глазомъ ослѣпшаго, покоищемъ израненнаго воина и врачемъ больного дворянина» [3]).

Намъ, видящимъ всю его жизнь, всѣ преступленія, совершенныя этимъ желѣзнымъ человѣкомъ, чудится что-то затаенное во всей его жизни. Кажется, что не даромъ такъ странно сложилась судьба его дочери, всю жизнь старавщейся отмолить чьи-то грѣхи, не даромъ прахъ самого Орлова такъ долго не находилъ успокоенія: онъ былъ похороненъ въ своей усадьбѣ Островѣ, но въ 1831 году дочь перевезла его прахъ въ Новгородскій Юрьевъ монастырь, и только въ 1896 году на орудійномъ лафетѣ, запряженномъ цугомъ въ 6 лошадей, перевезли обратно въ родовую усыпальницу, въ Островѣ!..

Наслѣдницей А. Г. Орлова явилась его дочь Анна, родившаяся въ 1785 году. Современники говорятъ, что она была красива и унаслѣдовала отъ отца мощную натуру и атлетическое сложеніе. Жизнь улыбалась: восьми лѣтъ она была сдѣлана фрейлиной, къ ея услугамъ были лучшіе женихи Москвы; отецъ оставилъ ей колоссальное состояніе. Съ дѣтства богомольная, она пошла по иному пути. Послѣ смерти отца она отправилась на боломолье въ Кіевъ, затѣмъ въ Ростовъ. Здѣсь она подчинилась вліянію «гробового іеромонаха» Амфилохія [4]). По смерти его духовни-

---

1) «Записки А. Г. Хомутова».

2) «Русскій Архивъ». 1904 г. № 8, стт. 499. Ст. Голомбіевскаго.

3) «Мои Санктъ-Петербургскіе сумерки».

4) Русскій Біографическій словарь. Изданіе Имп. Истор. Общества.

комъ ея сталъ монахъ Александро-Невской лавры Фотій, суровый аскетъ, сдѣлавшій карьеру при помощи гр. Орловой...

Когда онъ сталъ монахомъ новгородскаго Юрьева монастыря, гр. Орлова купила себѣ усадьбу у монастыря и поселилась въ пей. Она роскошно украсила монастырь, завѣщала ему громадныя суммы, и всѣ свои дни проводила въ молитвахъ, въ «сугубыхъ» постахъ...

До сихъ поръ остается она такой же загадочной, какъ и ея отецъ. Современники говорили о ея любви къ хитрому монаху-аскету Фотію и много эпиграммъ преслѣдовало ее; если и повѣрить имъ, то все же что-то болѣе глубокое выглянетъ изъ-за этой любви: какая-то жажда покаянія, моленія за чьи-то грѣхи, какой-то огонь религіознаго фанатизма. Точно легла на ея плечи тяжелымъ грузомъ вся грѣшная и великолѣпная жизнь ея отца. Она не знала покоя; ея жизнь не была ханжествомъ, обычнымъ въ дворянскихъ кругахъ того времени: она ушла отъ свѣта, отдала все свое состояніе церквэмъ и монастырямъ.

Въ одной изъ церквей новгородскаго Юрьева монастыря стоятъ двѣ простыхъ гробницы: на одной изъ нихъ надпись: «Архимандритъ Фотій», на другой «Графиня А. А. Орлова-Чесменская». И церковь эта выстроена во имя мучениковъ Фотія и Анны...

Поселившись въ Москвѣ, Орловъ устроилъ себѣ роскошную усадьбу у Калужской заставы, названную имъ «Нескучнымъ». Это названіе до сихъ поръ хранитъ Нескучный садъ при Александрійскомъ дворцѣ, перешедшій въ казну отъ наслѣдниковъ Орлова. Мѣстоположеніе Нескучнаго очень красиво: оно расположено на высокомъ берегу Москвы-рѣки. Великолѣпный паркъ раскинутъ по горамъ, по скатамъ глубокихъ овраговъ, образующихъ тысячи живописныхъ уголковъ.

Орловъ построилъ въ Нескучномъ домъ, перестроенный теперь подъ дворецъ, цѣлый рядъ павильоновъ, бесѣдокъ и мостовъ въ паркѣ. Для своихъ празднествъ онъ соорудилъ «воздушный», т.-е. открытый, театръ, гдѣ давались патріотическія аллегоріи на фонѣ естественныхъ декорацій. Въ соотвѣтствіи со всѣмъ характеромъ Орлова это были шумныя воинственныя представленія, прославлявшія Петра I, Екатерину Великую, ея славныхъ сподвижниковъ и среди нихъ, конечно, и самого Орлова-Чесменскаго...

Создавая свою роскошную подмосковную, Орловъ все время помнилъ о своихъ побѣдахъ и государственныхъ заслугахъ, и каждый павильонъ, каждое строеніе ставилось въ ознаменованіе какого-нибудь событія его жизни. Время унесло эти воспоминанія и для насъ остались только красивыя бесѣдки и мосты!

Кромѣ садовыхъ построекъ Орловъ окружилъ свою усадьбу обширными службами, конюшнями, выстроилъ манежъ и оранжереи. Въ манежѣ

устраивались «карусели», т.-е. костюмированныя верховыя процессіи, одно изъ любимѣйшихъ развлеченій московской знати начала XIX вѣка.

Всѣ упоминающіе о Нескучномъ отмѣчаютъ роскошь жизни Орлова описываютъ прекрасный «англійскій» садъ, устраивавшіяся графомъ у веселенія, но молчатъ о художественномъ обликѣ усадьбы;и едва ли шумный своевольный Орловъ цѣнилъ искусство, обладалъ достаточной культурностью, чтобы подчиняться художникамъ.

Англичанинъ Коксъ, посѣтившій Москву въ послѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка, такъ описываетъ Нескучное: «Домъ находится на краю города, на возвышенномъ мѣстѣ; изъ него очень хорошій видъ на Москву и окрестности. Вокругъ него расположено много отдѣльныхъ зданій. Помѣщенія служащихъ, конюшни, берейторская школа и другія зданія построены изъ булыжника; фундаментъ и нижній этажъ графскихъ хоромъ также изъ булыжника, верхъ же деревянный и выкрашенъ въ зеленую краску.»

Это необычайное зеленое жилище Орлова своей неподобающей скромностью вызывало сѣтованія Императрицы Екатерины, посѣтившей въ 1787 году гр. Орлова въ Нескучномъ.

Въ началѣ XIX вѣка упоминаются уже два барскихъ дома въ Нескучномъ: старый, въ которомъ обычно жилъ гр. Орловъ, будто бы отошедшій потомъ подъ городскую больницу [1]), и новый, перестроенный впослѣдствіи подъ Александрійскій дворецъ.

«Воздушный» театръ — крытая галлерея полукружіемъ; сцена была приспособлена такъ, что декораціи замѣнялись деревьями и кустами».[2])

Этотъ амфитеатръ существовалъ еще въ 1830-хъ годахъ, когда дирекція Императорскихъ театровъ устраивала тамъ представленія два раза въ недѣлю. Въ 1830 году «по Высочайшему повелѣнію повелѣно» архитектору Мироновскому «отвести Московской театральной дирекціи... строенія въ Нескучномъ саду для устроенія лѣтняго театра»...[3])

Каждую осень съ окончаніемъ спектаклей театръ сдавался обратно въ дворцовое вѣдомство. По описи 1830-го года: «Лѣтній деревянный театръ, непокрытый, длиною на 35 сажен., шириной въ переднемъ концѣ на 19, въ заднемъ—на 21 сажень, обшитъ узкимъ тесомъ, выкрашенъ бѣлой и дикой красками» [4]). Наконецъ, въ 1835 году лѣтній театръ проданъ на сломъ. «съ тѣмъ, чтобы мѣсто было вполнѣ очищено» [5]).

Садъ Нескучнаго при гр. Орловѣ былъ усѣянъ бесѣдками, «гротесками», мостами, искусственными обрывами, храмами и т. п. Часть построекъ была облицована березовой корой. Съ переходомъ Нескучнаго въ

---

1) *Пыляевъ*. Старая Москва. Стр. 196.

2) *Благово*. Разсказы бабушки.

3) Моск. отд. Архива Мин. Имп. Двора. Опись 16, дѣло 744.

4) Тамъ же. Опись 16; № 29673.

5) Тамъ же. Опись 16, № 29799.

Дворцовое вѣдомство всѣ эти садовыя затѣи стали рушиться. Въ 1827 году сломаны «за ветхостью двѣ бесѣдки деревянныя съ колоннами».[1]) Въ 1835 году сломана бесѣдка на Китайскомъ мосту и Египетская бесѣдка.

Послѣ смерти А. Г. Орлова въ 1807 году Нескучное, заброшенное его наслѣдницей, заглохло и опустѣло. Въ 1812 году оно не пострадало, но въ 1820-хъ годахъ уже потеряло прежнее величіе. Дворянская Москва перенесла свои симпатіи на Петровскій паркъ, а прежнее излюбленное мѣсто прогулокъ Нескучное въ концѣ 20-хъ годовъ стало пользоваться дурной репутаціей въ дворянскихъ кругахъ и служило для прогулокъ «купеческихъ сынковъ въ длинныхъ сюртукахъ и шалевыхъ жилетахъ, и замоскворѣцкихъ франтовъ въ венгеркахъ»; здѣсь прогуливались «не очень ловкія, но зато чрезвычайно развязныя барышни въ кунавинскихъ шаляхъ, накинутыхъ на одно плечо... Вокругъ трактира пахло пуншемъ, по аллеямъ раздавалось щелканье каленыхъ орѣховъ, хохотъ, громкіе разговоры, разумѣется, на русскомъ языкѣ, но съ примѣсью французскихъ словъ нижегородскаго нарѣчія»...

Здѣсь же останавливались цыганскіе таборы.

Николай I, вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, сталъ устраивать для своей супруги Александры Өеодоровны лѣтнее жилье въ Москвѣ. Въ основу было положено купленное у А. А. Орловой-Чесменской за 800.000 р. Нескучное. Къ нему былъ присоединенъ рядъ сосѣднихъ владѣній и такимъ образомъ составилась огромная площадь, занимаемая теперь Александрійскимъ дворцомъ и Нескучнымъ садомъ.

Въ 1828 году было куплено владѣніе кн. Льва Александровича Шаховского. Въ 1842 году пріобрѣтенъ участокъ земли «между Нескучнымъ и Александрійскимъ садами» отъ кн. Голицына [2]).

Съ пріобрѣтеніемъ Нескучнаго въ казну начались обширныя перестройки, руководимыя архитекторами Мироновскимъ и Тюринымъ.

Назвать эти перестройки искаженіями нельзя: онѣ не нарушали стиля усадьбы, но придали ей слишкомъ строгій, офиціальный обликъ. Особенно пострадалъ дворецъ и окружающая его мѣстность: здѣсь сильно сказалось паденіе художественнаго вкуса, отмѣтившее эпоху Николая I. Идиллическая усадьба, «пріютъ музъ и грацій», хотя это наименованіе едва ли примѣнимо къ шумному жилищу Орлова-Чесменскаго, стала парадньмъ, торжественнымъ дворцомъ, и величіе придворнаго этикета изгнало изъ Нескучнаго все мечтательное и поэтическое.

Около дворца выстроили гауптвахту; всюду потянулись цѣпи на столбахъ, отмѣчающія дворъ и дорожки. И контрастъ дворца и усадьбы

---

1) Моск. Отд. Архива Имп. Двора. Опись 16, д. 688.
2) Моск. Отд. Архива Мин. Имп. Двора. Опись 16, № 30039.

Нескучный садъ. Лѣтній домъ. Начало XIX вѣка.

Нескучный садъ. Ванна у Елизаветинскаго пруда.

особенно чувствуется, если отъ двора передъ дворцомъ перейти въ дальнюю часть парка, сохранившую усадебный характеръ!...

Теперешній Александрійскій дворецъ явился въ результатѣ перестроекъ Орловскаго дома. Въ формахъ дворца замѣтно сказалось паденіе вкуса, отмѣтившее Николаевскую эпоху. Его парныя колонны, поддерживающія не фронтонъ, не аттикъ, а круто вырѣзанныя арки, довольно необычны.

Полукруглые балконы съ чугунными столбами, сухія прямыя линіи карнизовъ, разбивка оконъ внѣ всякихъ художественныхъ расчетовъ,— все это тяжелое наслѣдство безвкусія 1830-хъ годовъ дѣлаетъ Александрійскій дворецъ мало-художественнымъ зданіемъ.

Надъ перестройкой дворца трудились и Мироновскій, и Тюринъ. Первый извѣстенъ какъ строитель Синодальной типографіи на Никольской улицѣ и Никольской башни, возобновленной имъ «въ Готическомъ вкусѣ» послѣ 1812-го года. Мироновскій первый изъ московскихъ архитекторовъ начала XIX вѣка ушелъ отъ классицизма и сталъ работать въ духѣ готики, думая, что этимъ онъ возвращается къ формамъ древнерусскаго зодчества!

Мироновскій не былъ крупнымъ художникомъ и неудачная постройка Александрійскаго дворца ничего не прибавляетъ и не убавляетъ отъ его славы.

Въ иномъ совершенно положеніи находится Е. Тюринъ. Талантливый послѣдователь Д. Джилярди, онъ до сихъ поръ извѣстенъ такой прекрасной работой, какъ университетская церковь. Тюринъ былъ послѣднимъ архитекторомъ-классикомъ Москвы; николаевскій упадокъ вкуса не коснулся его, оставивъ его творчество на томъ высокомъ уровнѣ эстетической культуры, къ которому насъ пріучили Баженовъ, Казаковъ, Бове, Джилярди. Въ томъ же Нескучномъ есть нѣсколько отличныхъ произведеній Тюрина, вполнѣ поддерживающихъ его репутацію, созданную доселѣ одной лишь университетской церковью. Тѣмъ досаднѣе становится неудача съ Александрійскимъ дворцомъ.

Въ ней, однако, болѣе отвѣтственен Тюринъ, чѣмъ Мироновскій. Такъ въ 1836-мъ году по его рисунку устроены во второмъ этажѣ, вверху полуциркульныхъ (боковыхъ) порталовъ Александрійскаго дворца, два чугунныхъ портала [1]). Несомнѣнно, что при перестройкѣ.
Александрійскаго дворца творчество Тюрина сильно стѣсняла необходимость ограничиваться небольшими подѣлками, приспособливать сравнительно скромный домъ Орлова къ потребностямъ придворнаго быта.

Въ цѣломъ Нескучное, обстроенное преимущественно Тюринымъ, крупнѣйшее и лучшее созданіе Николаевской архитектуры въ Москвѣ. Въѣздныя ворота съ Калужской улицы, гауптвахта у дворца, бесѣдки въ

[1]) Моск. Архив. Мин. Имп. Двора. Опись 16; № 29818.

саду, наконецъ, огромные служебные корпуса и конюшни, все это, обстроенное въ 1830-хъ годахъ, является послѣднимъ воплощеніемъ московскаго классицизма.

У въѣзда во дворецъ съ Калужской улицы поставлены массивныя ворота. Ихъ украшаютъ двѣ скульптурныя группы, произведенія Витали. Обѣ прекрасныя въ декоративномъ отношеніи группы носятъ характеръ аллегорій. Онѣ символизируютъ изобиліе; на это указываютъ роги фортуны. Разобраться же въ ихъ аллегорическомъ значеніи довольно трудно. Дѣло въ томъ, что скульпторы начала XIX вѣка считали нужнымъ каждую декоративную фигуру облегать аллегорическимъ смысломъ.

На воротахъ Александрійскаго дворца и священный огонь на жертвенникѣ и Церера, или статуя плодородія съ серпомъ, и вакхическая фигура съ кистью винограда, но все это не имѣетъ никакого отношенія къ красивой декоративной композиціи. Аллегоризмъ—шаблонъ, отъ котораго не хотѣли отдѣлаться скульпторы начала XIX вѣка. Изваять просто человѣческую фигуру—это будетъ красиво; но олицетворить въ ней славу, или красоту, или любовь къ отечеству—это уже мудро, многозначительно, а вѣдь люди того времени были большими поклонниками мудрости!...

И. П. Витали (1794—1855 гг.) работалъ въ Москвѣ съ 1818-го и по 1841-й годъ. Большая часть его работъ носитъ декоративный характеръ; это барельефы на фасадахъ домовъ, надгробные памятники, группы на воротахъ.

Ворота со скульптурными группами, очень близкія къ воротамъ Александрійскаго дворца, исполнены Витали въ 1820-хъ годахъ для въѣзда въ Воспитательный домъ. Тамъ онъ въ аллегорическихъ фигурахъ изобразилъ Милосердіе и *Кредитъ*, послѣдній потому, что въ Воспитательномъ домѣ помѣщался ломбардъ. На воротахъ Александрійскаго дворца онъ, повидимому, хотѣлъ олицетворить обиліе, царскую роскошь, можетъ-быть, щедрость. Какъ бы то ни было, аллегорическій смыслъ извнѣ навязанъ красивымъ декоративнымъ фигурамъ.

Витали работалъ очень неровно, иногда опускаясь до уровня ремесленности, иногда достигая лучшихъ мастеровъ своего времени. Тѣмъ не менѣе его работы очень легко узнать: въ противность прочимъ мастерамъ эпохи классицизма, онъ любитъ мелкія и сложныя детали; ясность и величественная простота композиціи ему упорно не дается. Однако его декоративныя работы отличаются ритмичной, хорошо распредѣленной композиціей, красивымъ силуэтомъ. Всѣ эти свойства есть и въ группахъ въѣзда Александрійскаго дворца, довольно типичномъ произведеніи Витали...

Онѣ относятся къ 1840-мъ годамъ. Въ 1846 году «сдѣланы фигуры изъ обожженной глины, чугунныя пики и бруски въ рѣшотчатомъ заборѣ у параднаго въѣзда...» [1]).

[1]) Моск. Отд. Архива Мин. Имп. Двора. Опись 16; № 30054.

Е. Тюринъ. Гауптвахта Александрійскаго дворца. 1830-е годы.

Нескучный садъ. Лѣтній домъ. Начало XIX вѣка.

За этими грузными воротами виденъ въ концѣ липовой аллеи дворецъ. Передъ его фасадомъ обширный круглый дворъ, обставленный унылыми чугунными тумбами, соединенными цѣпями, — точно развѣшаны кругомъ двора безконечные кандалы!

Справа отъ дворца стоитъ небольшая гауптвахта. Всѣ формы ея грузны и суровы. Таковъ духъ лучшихъ, наиболѣе выразительныхъ, архитектурныхъ произведеній эпохи Николая I. Таковъ стиль эпохи, великолѣпно выраженный архитектурой.

Если Александровское зодчество, овѣянное нѣжностью и гармоничной красотой, было создано для уютнаго идиллическаго жилья, то архитекторы Николая I, кажется, вѣчно думали о казармахъ, гауптвахтахъ, и въ своемъ творчествѣ отражали тотъ фанатизмъ внѣшняго порядка и деспотизма, который создалъ военныя поселенія и прочія явленія того же сорта!

Массивныя, тяжелыя колонны, стойко поддерживающія громадный аттикъ, почти равный въ высотѣ колоннамъ, великолѣпно выражаютъ тѣ требованія государственной мощи, офиціальнаго холода, которыя предъявлялись къ строителямъ Николаевскаго царствованія. Совершенно невозможно представить себѣ въ этихъ формахъ уютный домикъ въ паркѣ, мечтательную бесѣдку у пруда! Вся декоративная обработка гауптвахты Александрійскаго дворца насыщена тѣмъ же духомъ безстрастнаго, офиціальнаго величія, исключающаго все изящное и лирическое. Линіи тверды, словно всѣ формы вылиты изъ неподатливаго металла. Стѣны лишены украшеній; окна очерчены суровыми геометрическими полукругами. Надъ ними на гладкомъ полѣ аттика рѣдко разсажены круглые вѣнки—суровыя парадныя украшенія, нужныя, какъ украшенія на воинскомъ нарядѣ. Наконецъ, на верху государственный орелъ, а по угламъ рѣдко примѣняемая декоративная эмблема—классическіе шлемы.

Эта гауптвахта—одно изъ наиболѣе совершенныхъ выраженій духа Николаевскаго строительства. Само назначеніе зданія удачно подчеркиваетъ, что эта послѣдняя эпоха русскаго классицизма служила сооруженію казармъ, правительственныхъ учрежденій, гауптвахтъ и храмовъ, воздвигаемыхъ изъ соображеній офиціальныхъ, благодаря необходимости религіи въ христіанскомъ государствѣ.

Мертвый деспотизмъ, олицетвореніе власти, которому служила николаевская архитектура, конечно, не можетъ плѣнять и волновать, но такіе шедевры своего рода, какъ гауптвахта Александрійскаго дворца, обаятельны своей исторической показательностью: для пониманія эпохи они даютъ больше, чѣмъ многіе литературные источники!..

Несмотря на свое суровое назначеніе, гауптвахта полна утонченной архитектурной красоты. Скупость и оригинальность декорацій—круглые вѣночки по аттику, государственный гербъ и классическіе шлемы по

угламъ, говорятъ о школѣ Джилярди, самаго разсчетливаго изъ московскихъ мастеровъ. Но формы ея еще проще, еще суровѣе, чѣмъ у Джилярди. Повидимому, гауптвахту проектировалъ и строилъ Тюринъ, хотя ея нарядность нѣсколько отличаетъ ее отъ прочихъ работъ Тюрина въ Нескучномъ.

Слѣва отъ дворца на громадное протяженіе тянутся зданія службъ, цѣлый каменный городъ. Тутъ манежъ, конюшни, оранжереи, заведенныя еще Орловымъ.

Среди нихъ заслуживаютъ вниманія конюшни. Въ нихъ интересны не только колоссальные размѣры. Корпуса конюшенъ, вмѣстѣ съ манежемъ, окружаютъ особый дворъ. Главный корпусъ ихъ, съ куполомъ въ серединѣ и двумя боковыми флигелями, интересенъ и въ архитектурномъ отношеніи. Строитель ихъ понялъ съ той чуткостью, которая отличаетъ мастеровъ эпохи классицизма, что для конюшенъ не идутъ обычныя формы барскихъ домовъ и городскихъ дворцовъ: тутъ нужно что-то менѣе нарядное, импонирующее своей величественной простотой.

Казалось бы, упорное слѣдованіе классическому канону суживаетъ возможности строителя, лишаетъ его творчество гибкости; но мы видимъ, однако, что ресурсы классиковъ безконечны, что тамъ, гдѣ неумѣстна нарядность, они создаютъ монументальныя формы и такимъ образомъ справляются съ самыми прозаическими и утилитарными заданіями, не поступаясь своимъ искусствомъ. Конюшни Нескучнаго красивы пропорціями своихъ рустованныхъ стѣнъ, чуждыхъ какихъ-либо украшеній, величіемъ всей обширной композиціи.

При переходѣ Нескучнаго въ казну здѣсь находились службы и конюшни Орлова. Начиная съ 1834-го года архитекторъ Тюринъ перестраиваетъ ихъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ приводитъ въ теперешній видъ. Въ 1834-мъ году часть орловскихъ службъ была приспособлена для помѣщенія эскадрона кавалеріи и перешла въ Конюшенное вѣдомство [1]). Перестройки эти тянулись нѣсколько лѣтъ; въ 1838-мъ году Тюринъ все еще работаетъ надъ Конюшеннымъ дворомъ [2]).

Конюшни и службы Александрійскаго дворца являются самымъ крупнымъ его произведеніемъ. Они убѣждаютъ болѣе всѣхъ прочихъ его работъ, что это былъ художникъ, вполнѣ сохранившій высокую архитектурную культуру своихъ предшественниковъ. Строя конюшни, онъ сумѣлъ остаться художникомъ. Онъ вдумчиво отнесся къ сложной задачѣ и нашелъ сдержанныя и величественныя формы, идеально соотвѣтствующія длиннымъ безжизненнымъ корпусамъ. Тутъ есть много прекрасныхъ кусковъ архитектуры. Кромѣ упоминавшагося выше центральнаго корпуса съ куполомъ

[1]) Моск. Отд. Архива Мин. Имп. Двора. Опись 16; № 29789.
[2]) Тамъ же. Опись 16; № 29919.

и массивными рустованными стѣнами, нужно указать на длинныя строенія окаймляющія дорогу къ Нескучному саду. Уходящая вдаль съ обѣихъ сторонъ перспектива стѣнъ съ полуколоннами и нишами—одно изъ лучшихъ созданій московскаго классицизма. На долю московскихъ художниковъ, привыкшихъ строить уютные особняки и усадьбы, рѣдко выпадали заданія такого колоссальнаго масштаба!

Паркъ Нескучнаго—лучшій подъ Москвой. Онъ занимаетъ огромное пространство на крутомъ берегу Москвы-рѣки и самое расположеніе его на неровной, уступчатой поверхности даетъ богатыя декоративныя возможности. Паркъ закрытъ для публики, пустыненъ; въ этомъ его особенное обаяніе; онъ населенъ одними воспоминаніями, одними тѣнями прошлаго. Съ конца XVIII вѣка Нескучное играло видную роль въ московской жизни: празднества Орлова, театральныя представленія, затѣмъ—любимое мѣсто гуляній москвичей, пріютъ цыганъ и веселыхъ москвичей и, наконецъ, историческое мѣсто, окруженное вниманіемъ и уходомъ...

Дорожки парка перебрасываются черезъ овраги, огибаютъ холмы, открываютъ живописные виды на Москву-рѣку, на дворецъ, на свѣтлѣющіе среди зелени павильоны. Паркъ Нескучнаго—это «англійскій садъ», вошедшій въ моду въ Москвѣ въ послѣдніе годы XVIII вѣка: искусственно создается обаяніе нетронутой дикой природы; нарочно прорытыя углубленія выглядываютъ естественными оврагами, насыпные холмы принимаютъ видъ природныхъ возвышеній; пруды напоминаютъ естественные водоемы и среди этой нетронутости природы особенно плѣнительна красота архитектурныхъ украшеній.

Часть парка, примыкающую къ Александрійскому дворцу, устроилъ «на Англійскій манеръ» садовникъ Пельцель въ 1834 году [1]). Надъ искусственными пропастями въ Нескучномъ саду перекинуты «гротесковые мосты» съ чугунными рѣшотками. Ихъ строилъ въ 1834 году тотъ же Е. Тюринъ [2]).

Въ паркѣ отъ многочисленныхъ украшеній, когда-то бывшихъ въ немъ при Орловѣ, сохранилось очень мало. Его дорожки подъ нависшими кленами, подъ старыми липами вьются какъ змѣи, то опускаясь въ овраги, то огибая холмы и выбираясь на свѣтлый просторъ, откуда видна сѣрая Москва-рѣка, глинистыя поля за ней и городъ, исчезающій въ сѣрой мглѣ. Сквозь сѣть вѣтвей просвѣчиваетъ городъ, какъ край другого, грубаго міра. Вьются пустынныя, усыпанныя пескомъ, дорожки сквозь коридоры изъ кленовыхъ вѣтокъ, и только изрѣдка неожиданно забѣлѣютъ впереди колонны, покажется желтый съ бѣлымъ, классическій павильонъ...

---

[1]) Моск. Отд. Архива Мин. Имп. Двора. Опись 32; № 7494.

[2]) Тамъ же. Опись 16, № 29778.

На высокомъ холмѣ надъ Москвой-рѣкой стоитъ небольшой «лѣтній домикъ», одна изъ тѣхъ очаровательныхъ архитектурныхъ игрушекъ, которыми украшались парки старыхъ усадебъ. «Лѣтній домикъ» великолѣпенъ по архитектурѣ. Очень хороши уютные балконы за колоннами, тянущіеся по обоимъ фасадамъ. Передъ домикомъ стоятъ двѣ чугунныя вазы для цвѣтовъ.

Свѣтлыя стѣны этого маленькаго радостнаго жилища неотразимо влекутъ изумительной ясностью, легкостью, чистотой пропорцій! Точно не изъ камня, а изъ сгустившагося воздуха выросли бѣлыя колонны, великолѣпно размѣренныя окна...

Лѣтній домикъ едва ли строилъ Тюринъ. Его формы говорятъ о болѣе раннемъ художникѣ; весьма вѣроятно, что домикъ былъ построенъ при прежнихъ владѣльцахъ, въ самомъ началѣ XIX вѣка.

У спуска съ этого холма, у искусственнаго водоема, прикасаясь ступенями лѣстницы къ самой водѣ, стоитъ небольшая бесѣдка съ полукруглой колоннадой и высокимъ куполомъ. Это «ванна»; прудъ, расположенный передъ ней, носитъ наименованіе Елизаветинскаго. Ея стѣны обступили нависшіе клены. Бѣлыя колонны красиво отражаются въ заросшемъпруду, а кругомъ уходятъ въ высь зеленые скаты оврага, образуя живописный уголокъ, поэтичный мотивъ дворянской старины...

О «ванной» въ Нескучномъ саду упоминаютъ описывавшіе усадьбу еще во владѣніи А. Г. Орлова. Однако формы существующей теперь «ванны» очень близки къ созданіямъ Тюрина. Есть также документальныя указанія, что Тюринъ въ 1834 году «къ каменной бесѣдкѣ въ Нескучномъ саду» сдѣлалъ террасу со сходами, рѣшотками, скамейками и пр. [1]). Это такое же образцовое произведеніе классической архитектуры, какъ и лѣтній домикъ, но гораздо болѣе оригинальное. Мастерски сочинена центральная полукруглая колоннада съ высокимъ куполомъ. Для зданія, помѣщеннаго въ оврагѣ, у подножья зеленыхъ скатовъ, нужна именно такая вытянутость, такая высота, освобождающая небольшое зданіе отъ придавленности...

Лѣтній домикъ и ванна, утопающіе въ зелени, прекрасныя идиллическія жемчужины Нескучнаго. Сюда не доносятся звуки города. Какъ крѣпостныя стѣны отдѣлили ихъ отъ остального міра деревья.

Въ пустынномъ паркѣ, какъ въ сонномъ царствѣ, застыли хрупкіе, какъ музыкальная мелодія, образы прошлаго, образы вѣчной красоты, для которой нѣтъ ни прошлаго, ни будущаго!

---

[1]) Моск. Отд. Архива Мин. Имп. Двора. Опись 16, № 29972.

VI. Суханово[1]).

92

Сколько бы не изучать старыхъ подмосковныхъ усадебъ, никогда нельзя почувствовать усталости и пресыщенности. Въ нихъ нѣтъ однообразія, нѣтъ повтореній. Вся сложность эпохи русскаго романтизма, времени думъ Новикова и Радищева, преобразовательныхъ замысловъ Екатерины II, поэзіи Державина, Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова, 1812-й годъ, Александровскій мистицизмъ, орлиный взлетъ юнаго Пушкина, пѣсни Дельвига и Дениса Давыдова—таковъ духовный фонъ, на которомъ складывались подмосковныя. Были въ Россіи времена, когда больше думали и работали люди, но никогда не жили болѣе ярко, никогда не чувствовали такъ разнообразно, такъ многосторонне!..

Каждая усадьба приноситъ новое настроеніе. Въ Кусковѣ человѣкъ, только что вкусившій культуры, прельщенный ея внѣшними побрякушками, создаетъ себѣ «потѣшное» сказочное царство, окружаетъ себя феерiей, играя въ жизнь.

Въ Архангельскомъ и Останкинѣ отразился царственный размахъ XVIII вѣка; люди, повѣрившіе въ свое всемогущество, не хотѣли знать предѣловъ земной красотѣ! Въ Кузьминкахъ воплотились поэтическія

---

[1]) Въ 4 верстахъ отъ станціи Расторгуево Ряз.-Ур. ж. д.

грезы объ античномъ мірѣ, сотканномъ изъ красоты и гармоніи; на мигъ человѣчеству показалось возможнымъ, сохраняя на своихъ плечахъ всѣ дары культуры, уйти къ тихимъ образамъ пастушеской жизни, къ безмятежному покою на лонѣ природы, стать беззаботнымъ, вѣчно юнымъ, и въ легкомъ весельи забыть всѣ тяжести міра.

Въ Черемушкахъ нѣтъ грезы, есть только земной уютъ, соединяющій покой и красоту.

Наконецъ, въ Сухановѣ облекается въ камни и чугунъ героическая сторона русскаго романтизма; ея бурный порывъ, соединеный съ душевной полнотой и чуткостью. Здѣсь суровы всѣ формы, но въ надписяхъ, въ воспоминаніяхъ овѣваетъ ихъ нѣжная лирика; и населить усадьбу хочется лицами, хорошо знакомыми по портретамъ Кипренскаго могучими воинами, умѣющими любить и грезить ласково, красавицами, думающими о далекихъ, о призванныхъ жизнью, но не способныхъ роптать на свою судьбу!..

Суханово, подмосковная кн. Волконскихъ, хранитъ многочисленныя постройки и памятники Александровской эпохи. Изъ большихъ усадебъ это, однако, самая запущенная. Домъ еще поддерживается, но всѣ садовыя постройки разрушаются. Штукатурка осыпалась, разрушились украшенія; окна и двери заколочены досками. Паркъ безпорядочно разросся, подступилъ къ стѣнамъ бесѣдокъ и павильоновъ, окружаетъ ихъ труднопроходимой стѣной и усиливаетъ впечатлѣніе заброшенности.

Нужно нѣкоторое усиліе воображенія, чтобы стереть эти слѣды времени и возстановить первоначальный видъ усадьбы. Тогда изъ-за общей картины запущенія и разрушенія проглянетъ рядъ отличныхъ памятниковъ Александровской архитектуры, весь обликъ богатой усадьбы начала XIX вѣка.

Среди прочихъ подмосковиыхъ, за исключеніемъ, пожалуй, Архангельскаго, Суханово выдѣляется той любовью и значительностью, съ которой создавался каждый уголокъ усадьбы.

Кромѣ обычныхъ построекъ, жилыхъ и декоративныхъ, въ паркѣ Суханова поставлено нѣсколько памятниковъ. Такое стремленіе закрѣпить памятныя событія или отдать дань чьей-либо памяти очень характерно для людей начала XIX вѣка. Хоть они и жили въ бурное время, полное походовъ, предчувствій вели кой борьбы съ Наполеономъ, потерь отцовъ, братьевъ и сыновей, но въ душахъ ихъ еще были живы отзвуки «сентиментализма». Чувствительныя души цѣнили матеріальные памятники, знаменующіе память, любовь, дружбу и благодарность. Въ усадьбахъ среди парковъ былъ особенный просторъ для этихъ вещественныхъ «изліяній чувствъ, самыхъ возвышенныхъ». Нарекались дорожки именами близкихъ; ставились обелиски, колонны и цѣлыя зданія въ память значительныхъ событій.

Такихъ памятниковъ много въ Сухановѣ; они посвящены императору

Суханово кн. Волконскихъ. Служебныя постройки.

Суханово, кн. Волконскихъ. Церковь въ усадьбѣ. 1813 г.

И. П. Витали (?) Въѣздныя ворота Александрiйскаго дворца. 1846 г.

Александрійскій дворецъ. 1830-е годы.

Александру I, его супругѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и князю Димитрію Петровичу Волконскому. Теперь въ заброшенной усадьбѣ надписи на обелискахъ и плитахъ звучатъ трогательнымъ обращеніемъ къ будущимъ людямъ, къ тѣмъ, кто пойдетъ когда-нибудь къ этимъ памятникамъ и задумается надъ ними.

Въ разрушенныхъ или разрушающихся усадьбахъ всегда находитъ на душу меланхолическое чувство обиды. Не отъ людей обиды, а общей, трагической обиженности человѣка. Въ Сухановѣ нѣтъ этого чувства: порывистое мужественное время, создавшее усадьбу, сумѣло воплотить свою душу—и не только въ архитектурныхъ формахъ, но и въ надписяхъ на памятникахъ, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ штрихѣ!..

Суханово создавалось въ 1810-хъ годахъ, но свой окончательный обликъ получило лишь въ концѣ 1820-хъ годахъ. Позднѣйшее время кой-что добавило, но все это несущественно. Пронесшійся надъ Сухановымъ вѣкъ подточилъ, обломалъ почти всѣ его украшенія, но ничто не ушло съ лица земли...

Первое, что бросается въ глаза при приближеніи къ Суханову, длинные желтые корпуса налѣво отъ дороги. На большое протяженіе тянутся башни, замки, ворота, переходы и опять башни. Доморощенная готика этихъ служебныхъ корпусовъ теперь въ запущенномъ состояніи рисуется довольно романтично.

Однако ею вносится элементъ нарочитости, нѣкотораго курьеза, такъ мало подходящій къ Суханову. Всякія подобныя затѣи, «швейцарскія» и «китайскія» деревни, невозможны въ эпоху, цѣнящую архитектурную красоту. Въ такихъ созданіяхъ не можетъ быть художественной искренности, потому что они—шутка, причуда. Вѣдь серьезно въ искусствѣ только то, что строится съ искренней вѣрой въ красоту создаваемаго, въ его нужность: иначе творчество становится забавой, искусство—фокусомъ. Развѣ не характерно, что здоровыя органическія эпохи въ родѣ 1810-хъ, и 1820-хъ годовъ не были склонны къ художественнымъ причудамъ? и наоборотъ періоды развала, шатанія, измельчанія личности, вродѣ десятилѣтій дворянскаго упадка или первыхъ культурныхъ шаговъ буржуазіи, вызываютъ склонность къ экзотикѣ, къ шутовству въ искусствѣ.

Посѣщая Суханово, нужно забыть эту фальшивую первую ноту: она случайна.

Барскій домъ невеликъ и малоинтересенъ. Съ лѣвой его стороны поставлена, уже въ XIX вѣкѣ, скромная домовая церковь; справа живописная терраса съ чугунными рѣшетками и вазами ведетъ въ паркъ. Съ той же правой стороны къ дому примыкаетъ чугунная рѣшетка, отдѣляющая дворъ отъ парка. У нея довольно нарядные столбы съ барельефными изображеніями орловъ и растительныхъ узоровъ.

Фасадъ дома, выходящій въ паркъ, закрытъ сплошнымъ пологомъ дикаго винограда, поэтичнаго спутника старыхъ домовъ. По сторонамъ каменной лѣстницы стоятъ чугунные жертвенники съ пламенемъ—прекрасный декоративный мотивъ Empir'а. Все это не усиливаетъ художественнаго обаянія дома Суханова: оно ничтожно. Однако живописная красота стараго жилища создаетъ ему новое *литературное* обаяніе.

Тутъ роятся мечты о пережитыхъ страницахъ, о прошедшихъ въ книгахъ людяхъ. Вѣдь для всѣхъ великихъ произведеній русской литературы въ той или другой степени нужна эта картина—старый домъ, и паркъ и виноградъ, ползущій по стѣнамъ, и окно въ мезонинѣ!

Можетъ-быть лучше было бы уйти отъ элегической власти этихъ домовъ, забыть о нихъ съ ихъ грустнымъ міромъ, уйти мыслью къ шуму и суетѣ городовъ, но нельзя этого сдѣлать, не оборвавъ какихъ-то нужныхъ и красивыхъ струнъ!

Всѣ лучшія украшенія раскинуты въ паркѣ. Тутъ и павильоны, и круглыя бесѣдки на колоннахъ, и памятники, и неизбѣжный въ усадьбѣ прудъ. Все это художественно, но неискушенный глазъ легко отвернется, не выбравъ изъ-подъ руинъ ихъ безспорной красоты; чтобы оцѣнить Суханово, нужно умѣть выдѣлить художественный образъ изъ-подъ обвалившейся штукатурки, слѣпыхъ оконъ, вернуть мысленно прежнюю красоту.

Или же, но это труднѣе, принять какъ эстетическое откровеніе прелесть умиранія, остроту мысли, изнемогающей подъ разрушительной властью времени!..

Налѣво отъ дома въ густомъ кустарникѣ утопаетъ классическій павильонъ, сильно пострадавшій отъ времени. Повидимому это былъ «лѣтній домикъ» или «Эрмитажъ», съ рядомъ небольшихъ комнатъ. Теперь же тамъ сложено сѣно...

Должно-быть, что-нибудь подобное представлялъ изъ себя замокъ спящей красавицы послѣ столѣтняго сна! Окна выбиты, штукатурка облупилась; красивая арка входа заколочена досками, гирлянды на стѣнахъ уцѣлѣли наполовину. Но, внимательно вглядѣвшись, можно замѣтить подъ этимъ неприглядным видомъ слѣды великолѣпнаго архитектурнаго мастерства.

Въ планѣ павильонъ образуетъ букву П. По обоимъ концамъ высокія арки образуютъ входъ. Такія же сквозныя арки проходятъ въ серединѣ. О внутреннемъ видѣ павильона нельзя ничего сказать, такъ какъ его не видно за сѣномъ, но наружная архитектура очень интересна. Снаружи павильонъ очень простъ. Въ нижней половинѣ его гладкія стѣны были рустованы. Въ верхней подъ простымъ линейнымъ карнизомъ изрѣдка разсажены медальоны, окруженные гирляндами съ двумя факелами по сторонамъ. Подобные медальоны—излюбленный пріемъ орнаментаціи мос-

Д. Джилярди (?) Павильонъ въ паркѣ Суханова, подмосковной кн. Волконскихъ. 1810-е годы.

Суханово кн. Волконскихъ. Ворота въ паркъ.

ковскаго архитектора-классика Доменико Джилярди, отъ него взятый его многочисленными учениками.

Та утонченная простота, которую мы видимъ въ павильонѣ Суханова, составляетъ лучшую особенность творчества Джилярди. Никто изъ русскихъ архитекторовъ не былъ такъ свободенъ въ пользованіи классическими формами, и никто въ то же время не хранилъ такъ дивно самый духъ античнаго зодчества. Джилярди умѣлъ создавать классическія зданія безъ колоннъ и пилястровъ, пользуясь только утонченной игрой массъ, гладкими стѣнами, немногими декоративными формами. Такой выразительности гладкой стѣны Джилярди достигъ въ концѣ 1810-хъ годовъ. Къ этому времени слѣдуетъ прикрѣпить и этотъ павильонъ. Единственнымъ по силѣ образцомъ этой полосы въ творчествѣ Джилярди является конный дворъ въ Кузьминкахъ и, особенно, Провіантскіе магазины въ Москвѣ, на углу Остоженки и Зубовскаго бульвара.

Какъ-то странно сознавать, что этотъ ободранный павильонъ—одно изъ высшихъ достиженій русской архитектуры, вдохновенное созданіе геніальнаго мастера!

Состояніе, въ которомъ находится павильонъ, мѣшаетъ вполнѣ оцѣнить его архитектурное совершенство. Конечно, возможно, что его создалъ не самъ Джилярди, а кто-нибудь изъ его вѣрныхъ учениковъ. Тогда все-таки павильонъ-сѣновалъ остается памятникомъ лучшей полосы московскаго классицизма.

Радостно видѣть божественный мраморъ Парфенона, слишкомъ прекрасный, чтобы можно было замѣтить слѣды разрушенія; радостно въ раззолоченной залѣ музея подойти къ бѣлому мрамору и прочитать въ немъ вдохновенный гимнъ міровой гармоніи, проявившейся и въ тѣлѣ человѣка. Но въ тысячу разъ радостнѣе прекраснѣе итти паркомъ, заросшимъ какъ лѣсъ, подъ Москвой; выйти на зеленую лужайку и тутъ среди березовыхъ зарослей натолкнуться на бѣлыя стѣны. Вглядѣться въ нихъ— и принять ту же радостную гармонію, тотъ же вѣчный восторгъ человѣчества. Кругомъ трава, березки, сѣно и разбитыя стекла, а все-таки жива заблудившаяся Психея, все-таки когда-то созданная гдѣ-то у моря красота засвѣтилась и здѣсь на русскомъ лугу, и еще засвѣтится, и ярче чѣмъ прежде!..

Невдалекѣ отъ этого павильона, ближе къ пруду, высится еще небольшой домикъ. Сохранность одинаковая съ предыдущимъ: окна заколочены дощатыми щитами, капители іоническихъ колоннъ отвалились.

Стѣны павильона совершенно гладки и однообразны; фасадъ, выходящій къ пруду, несетъ въ серединѣ куполъ на четырехъ колоннахъ, образующій уютную террасу.

Подобный типъ павильона, какъ бы совмѣщающій обычную круглую

классическую бесѣдку съ четыреугольнымъ зданіемъ, довольно рѣдко встрѣчается въ подмосковныхъ усадьбахъ. Есть такое же точное сооруженіе въ Петровскомъ-Разумовскомъ въ паркѣ, въ сѣверо-восточномъ его углу; но павильонъ въ Петровскомъ нарянѣе, украшенъ барельефами и пестрой сине-бѣлой росписью въ куполѣ...

По преданію въ этомъ павильонѣ останавливалась въ Сухановѣ императрица Елизавета Алексѣевна, супруга Александра I. Въ память ея поставленъ небольшой гранитный памятникъ съ датами рожденія и смерти. Картину заброшенности дополняетъ дикій виноградъ, обильно опутывающій стѣны домика, но вся эта пыль вѣковъ не можетъ убить его архитектурной прелести.

Все такъ просто, но сколько въ этой простотѣ работы человѣческаго духа, ума, культуры! Всѣ несложныя какъ-будто бы пропорціи, примитивныя формы и линіи при внимательномъ взглядѣ поражаютъ благородствомъ и гармоничной ясностью...

Любуясь архитектурными украшеніями парка Суханова, нельзя представить себѣ, что эта безспорная красота рухнетъ подъ властью времени, уйдетъ безслѣдно. Въ этомъ будетъ какая-то обида, какая-то горечь для всѣхъ насъ, не сумѣвшихъ сохранить то, что создали предки. Точно дѣти, изломавшіе дорогую память объ умершихъ.

Всѣ мы такъ заняты борьбой за существованіе, политикой, искусствомъ, балканскимъ вопросомъ, зачѣмъ намъ нужна эта классическая идиллія? развѣ для того только, чтобы дать работу запыленнымъ археологамъ! Дѣло не въ томъ, что гибнетъ Суханово, а въ томъ, что не нужна красота, хотя мы задыхаемся въ безобразіи...

И думается ласково о томъ времени, когда будетъ у человѣчества больше досуга и больше души, когда поэтическія переживанія станутъ не только заработкомъ для поэтовъ: тогда люди, свободные отъ пустоты, отъ нашей вѣчной ироніи и шутокъ, придутъ къ созданіямъ стараго искусства и преклонятся предъ ними, воплотившими вѣчный свѣтъ человѣчества, его тоску о совершенномъ мірѣ!

А пока придетъ это время, будетъ мучаться изсушенное трудомъ машинное человѣчество. И не нужна будетъ красота, никто не приметъ ее искренно; развѣ полюбуется, погулявъ на лонѣ природы, да изучитъ второпяхъ. Можно сердиться, можно отчаиваться: все равно такъ будетъ. Это неминуемо какъ смерть!

Спустившись къ пруду, можно видѣть на полянѣ высокій чугунный обелискъ; это опять памятникъ, воздвигнутый «чувствительнымъ сердцемъ». На черномъ старомъ чугунѣ свѣтлѣютъ бронзовыя украшенія: карнизъ постамента, гирлянды у основанія обелиска, факелы, вѣнки надъ ними и вѣнчающій обелискъ двухглавый орелъ на державѣ. Обелискъ поставленъ

Фото-тинго-гравюра Т-ва „Образованіе".

СУХАНОВО КН. ВОЛКОНСКИХЪ. ЛѢТНІЙ ДОМИКЪ. НАЧАЛО XIX-ГО ВѢКА.

въ память Императора Александра I, послѣ его смерти; въ верху обелиска въ четырехъ вѣнкахъ помѣщены даты боевой славы Александра I—1807, 1812, 1813 и 1814.[1]

Въ началѣ XIX вѣка обелискъ былъ весьма распространенъ въ качествѣ надгробнаго памятника. На московскихъ кладбищахъ можно указать два великолѣпныхъ обелиска: кн. Я. А. Голицына въ Донскомъ монастырѣ и семейства Кикиныхъ въ Андронниковомъ. Такъ же часто воздвигались обелиски въ усадьбахъ, въ качествѣ памятныхъ знаковъ всякихъ торжествъ и семейныхъ радостей. Сухановскій обелискъ выдѣляется среди нихъ изяществомъ рисунка, нарядностью бронзовыхъ украшеній.

Оба памятника въ Сухановѣ, императору Александру и императрицѣ Елизаветѣ, представляются очень типичными для эпохи классицизма. Всѣ памятники этого времени остаются такими молчаливыми каменными знаками; никакихъ образовъ, символовъ, никакихъ изображеній и громкихъ фразъ...

Формы обелиска, урны, обломка колонны, античнаго жертвенника, какъ надгробные памятники, какъ знаки памяти, очень характерны для эпохи русскаго романтизма. Въ 1790-хъ годахъ они наводняютъ московскія кладбища. Вмѣстѣ съ тѣмъ появляются въ графикѣ, въ книжной орнаментаціи, на вышивкахъ и т. д.

Есть какая-то большая мужественная сила въ душахъ тѣхъ, кто, ставя памятникъ, не прибѣгалъ ни къ какимъ внѣшнимъ обозначеніямъ своего переживанія. Вѣдь обелискъ и даты на немъ ничего не говорятъ о значеніи памятника; вѣдь такія же чисто декоративныя сооруженія служатъ часто и украшеніями парковъ, верстовыми столбами, фонтанами, виньетками и т. д. Такой памятникъ невольно станетъ интимнымъ, понятнымъ только тому, кто поставилъ его въ ознаменованіе какого-нибудь радостнаго или печальнаго событія своей жизни. А такъ слушать только свою душу, не заботясь объ окружающемъ, о будущемъ, не всегда умѣли люди!..

Простой, молчаливый, интимный памятникъ, поставленный гдѣ-нибудь на дорожкѣ парка, невольно овѣянъ мистицизмомъ. Онъ понятенъ тому, кто поставилъ его, но нуженъ также и тому, кому поставленъ. И кромѣ нихъ понятенъ только немногимъ, близкимъ по духу, тѣмъ, кто, увидя камень и лаконичныя цифры на немъ, пойметъ и заслуги почившаго, и чувства создавшаго...

Вотъ почему эти обелиски, поставленные въ старыхъ паркахъ, овѣяны лиризмомъ и даже среди насъ, далекихъ потомковъ, сохраняютъ свое значеніе!

Невдалекѣ отъ памятника Александру I стоитъ круглая бесѣдка на восьми колоннахъ. Нѣтъ, кажется, ни одной усадьбы конца XVIII и начала XIX вѣковъ, въ которой не было бы подобной бесѣдки! Домъ съ ко-

лоннами и круглая бесѣдка—два образа помѣщичьей Россіи, наиболѣе выразительныхъ и привычныхъ.

Во всякомъ случаѣ это самое популярное и, пожалуй, одно изъ геніальныхъ созданій классической аархитектуры. Въ Москвѣ создателемъ прототипа круглыхъ бесѣдокъ явился В. И. Баженовъ, соорудившій въ Царицынѣ бесѣдку «Храмъ Цереры» или «Золотые колосья».

Бесѣдка въ Сухановѣ—одна изъ наиболѣе удавшихся. Она сравнительно поздняго происхожденія, начала XIX вѣка. Объ этомъ свидѣтельствуетъ ея дорическій ордеръ. Метопы противъ обыкновенія украшены барельефами, изображающими аллегоріи «сельскихъ радостей»: музыку, любовь, пляски и т. д.

Широко распространенныя въ подмосковныхъ круглыя бесѣдки одинъ изъ рѣдкихъ въ исторіи архитектуры примѣровъ зданія чисто декоративнаго, не отвѣчающаго никакимъ практическимъ потребностямъ. Въ этой бесѣдкѣ, конечно, не только нельзя жить, но негдѣ даже отдохнуть, и единственное назначеніе ея—выдѣляться ажурнымъ бѣлымъ силуэтомъ на зелени парка...

Еще дальше въ этомъ же восточномъ направленіи встрѣчаемъ каменный пѣшеходный мостъ, перекинутый черезъ оврагъ. Подъ нимъ проходитъ проѣзжая дорога. Назначеніе моста опять-таки въ большой степени декоративное; не могло быть нужды строить массивное каменное сооруженіе, чтобы провести по немъ одну изъ дорожекъ парка. Подъ Москвой первые такіе декоративные мосты «гротески» появились въ Царицынѣ, гдѣ тотъ же В. И. Баженовъ выстроилъ мосты «фигурный» и «готическій». Судя по рустовкѣ, по замку на аркѣ мостъ современенъ остальнымъ украшеніямъ Суханова и относится къ первымъ десятилѣтіямъ XIX вѣка.

Этотъ мостъ—цѣлая страница психологіи стараго барства. Навѣрно, за предѣлами Суханова тянулись вязкія, убійственныя дороги, не имѣвшія ни одного моста; навѣрно, сообщеніе съ Москвой надолго прерывалось въ распутицу, весной и осенью, когда ручьи превращались въ бурные потоки, а дороги—въ глубокое болото; вязли тяжелые дормезы, ломали оси телѣги съ княжескимъ добромъ, старому барину не приходило въ голову строить мосты, проводить дороги и заботиться объ удобствѣ жизни. Но въ усадьбѣ онъ, не жалѣя средствъ, воздвигалъ бесѣдки, безполезные въ смыслѣ практическаго назначенія павильоны! Эстетика ставилась выше комфорта, Шекспиръ выше сапоговъ...

Еще дальше, уже за предѣлами парка, стоитъ очень оригинальная церковь. Самая церковь, построенная надъ фамильнымъ склепомъ князей Волконскихъ, круглая въ планѣ, съ дорическимъ портикомъ съ западной стороны. Зубчатый карнизъ украшенъ гирляндами и вьющимися лентами. По сторонамъ лѣстницы, ведущей въ церковь, стоятъ треножники-жерт-

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе“.

СУХАНОВО КН. ВОЛКОНСКИХЪ. ОБЕЛИСКЪ ВЪ ПАРКѢ ВЪ ПАМЯТЬ АЛЕКСАНДРА I.

венники. Широкій и низкій куполъ церкви опирается на громадный трибунъ. Его западная сторона украшена двумя фигурами летящихъ музъ, здѣсь, повидимому, ангеловъ.

На востокъ отъ церкви высится обычнаго классическаго типа колокольня. Отъ нея въ обѣ стороны идутъ, образуя полукругъ, колоннады, давая такимъ образомъ что-то сходное по идеѣ съ Казанскимъ соборомъ въ Петербургѣ.

Вся эта композиція могла бы быть очень величественной, но требуемый для этого колоссальный масштабъ былъ не подъ силу строителямъ усадебной церкви. Поэтому идея совершеннѣе исполненія. Особенно вредитъ Сухановской церкви ея нелѣпая, придуманная несомнѣнно во второй половинѣ XIX вѣка, раскраска—имитація подъ кирпичъ. На классическомъ зданіи она особенно невыносима.

Какъ гласитъ доска на стѣнѣ склепа, церковь заложена въ 1813 г. Внутреннее убранство церкви сохранилось отъ временъ ея основанія.

Запущенность Суханова мѣшаетъ его полному признанію: трудно выискать крупинки красоты подъ безобразной печатью разрушенія. Между тѣмъ оно по справедливости должно было бы войти въ число лучшихъ подмосковныхъ, упоминаться рядомъ съ Архангельскимъ, Останкинымъ, Кусковымъ и Кузьминками. Большое преимущество Суханова въ томъ, что всѣ его зданія очень оригинальны, далеки отъ того усадебнаго шаблона, который объединяетъ большинство второсортныхъ подмосковныхъ, гдѣ по одному типу строятся дома, церкви и бесѣдки.

Въ литературѣ Суханову не повезло. Современники, подробно описывающіе Нескучное, Люблино, Кузьминки, молчатъ о Сухановѣ. Волконскіе не принадлежали къ числу тѣхъ шумныхъ хлѣбосоловъ, которые гостепріимствомъ и мотовствомъ стяжали себѣ громкую славу въ допожарной Москвѣ.

Но усадьба ихъ говоритъ о большой культурности, о связяхъ съ лучшими московскими художниками. Ихъ Суханово остается незамѣнимымъ памятникомъ барской культуры и не вѣрится, что погибнетъ чудная усадьба. Это будетъ тѣмъ проявленіемъ варварства и некультурности, о которыхъ за послѣдніе годы стали понемногу забывать!

VII. Домъ Найденовой.

Теперешнія городскія границы Москвы въ началѣ XIX вѣка заключали рядъ великолѣпныхъ загородныхъ усадебъ. Ими усѣяно было Дѣвичье поле отъ Зубова и до Новодѣвичьяго монастыря. Еще и теперь въ глухихъ переулкахъ, въ перемѣшку съ заборами, не мало сохранилось Empir'ныхъ особняковъ. Къ сожалѣнію эта мѣстность до сихъ поръ очень мало изучена.

«По лѣвую руку Дѣвичьяго поля, по дорогѣ къ монастырю, былъ загородный домъ кн. Голицына, перешедшій по наслѣдству къ кн. Долгорукому, женатому на его воспитанницѣ Де-лицыной, а позднѣе этотъ домъ перешелъ къ Олсуфьевымъ. Дальше былъ домъ князей Трубецкихъ, тоже съ большимъ садомъ и рощей; дальше, рядомъ съ церковью, чья-то дача, позднѣе кн. Вадбольскаго. На правой сторонѣ Дѣвичьяго поля, у Саввы Освященн аго, въ переулкѣ загородный домъ Янькова, подальше домъ кн. М. И. Долгорукова на Пометномъ Вражкѣ. По этой же сторонѣ— домъ Прозоровскаго, и такъ до Зубова все загородные дворы...» [1]).

Рядъ дачъ былъ расположенъ «у Крымскаго брода», т.-е. за теперешнимъ Крымскимъ мостомъ. По берегу Москвы-рѣки онѣ тянулись почти до Воробьевыхъ горъ, заканчиваясь «Васильевскимъ» кн. Долгорукова-Крымскаго, позднѣе ставшимъ «Мамоновой дачей».

Кромѣ этихъ, при тогдашнихъ границахъ Москвы вполнѣ загородныхъ, домовъ существовало довольно много усадебъ въ самой городской чертѣ. Онѣ ничѣмъ не отличались отъ загородныхъ усадебъ. Къ огромному дворцу примыкалъ паркъ со всѣми тѣми созданіями сельской архитектуры, которыя мы находимъ въ подмосковныхъ. Усадьбы въ чертѣ города, требующія громаднаго количества земли, были доступны только наиболѣе богатымъ людямъ, въ родѣ Разумовскаго, Демидова, Куракина и т. п. Создавали ихъ лучшіе мастера, но разросшійся городъ поглотилъ парки, остались только кой-гдѣ одинокіе дворцы, и только изъ воспоминаній современниковъ мы узнаемъ о существовавшихъ богатыхъ усадьбахъ...

---

1) *Благово.* Разсказы бабушки.

Особенно много этихъ усадебъ было въ восточной части Москвы, преимущественно въ Нѣмецкой слободѣ. На Гороховомъ полѣ была усадьба гр. А. К. Разумовскаго, теперь Малолѣтнее отдѣленіе Николаевскаго института. Немного дальше усадьба Демидова, теперь Елизаветинскій институтъ. Наконецъ, Межевой институтъ былъ усадьбой Куракиныхъ, зданіе Военнаго архива—усадьбой Безбородко.

Заброшенные вскорѣ по кончинѣ своихъ устроителей, загородные дома эти отошли подъ казенныя учрежденія. Частью перестроенные, они еще сохранили черты прежней архитектуры. Всѣ же садовыя причуды, особенно многочисленныя въ паркахъ Разумовскаго и Демидова, исчезли. Остались только старыя деревья надъ грязной, отталкивающей Яузой...

Однако сохранилась почти въ центрѣ Москвы на Садовой Земляномъ валу отличная усадьба, принадлежащая теперь Найденовымъ. Громадный паркъ, спускающійся къ Яузѣ, напоминаетъ парки лучшихъ подмосковныхъ. Тутъ тѣ же концертные залы и бесѣдки, что и въ загородныхъ усадьбахъ, но теперь близость города придаетъ имъ особое обаяніе чего-то призрачнаго, почти фантастическаго!

Въ двухъ шагахъ отъ фабрикъ и шумныхъ мощеныхъ улицъ въ въ густой зелени вырисовываются бѣлыя колонны, извиваются спуски, окаймленные мраморными вазами. Всюду, куда ни достигаетъ глазъ, образцы прекраснаго искусства.

Но вдали, въ просвѣтѣ деревьевъ видны какія-то трубы, желѣзныя крыши, сжатыя какъ грибы, тоскливыя кирпичныя стѣны—все воплощенное безобразіе современнаго промышленнаго города...

Усадьба Найденовыхъ создана въ 1820-хъ годахъ. Литературой она совершенно не задѣта. Исторія сооруженія ея темна. Она считалась выстроенной для одного изъ князей Гагариныхъ, однако, за послѣднее время появились данныя, позволяющія думать, что ея создателями были московскіе купцы начала XIX вѣка Усачевы, торговавшіе чаемъ, шелкомъ и прочими колоніальными товарами. Во второй половинѣ XIX вѣка она принадлежала Г. И. Хлудову, отъ котораго перешла къ Найденовымъ.

Когда искусство эпохи классциизма займетъ подобающее ему мѣсто въ общественномъ мнѣніи, домъ Найденовыхъ станетъ такой же гордостью, такимъ же художественнымъ украшеніемъ Москвы, какъ Кремль, зданіе Румянцевскаго музея, Третьяковская галлерея и т. п.

Въ отношеніи архитектуры и общаго художественнаго облика домъ Найденовыхъ превосходитъ Останкино и Кузьминки. Вся усадьба создана Доменико Джилярди около 1820 года. Вся она превосходно сохранилась и то, что она создана одновременно и однимъ мастеромъ, дѣлаетъ ее огромнымъ художественнымъ произведеніемъ.

Объ этой усадьбѣ мало знаютъ; она находится въ частномъ владѣніи и недоступна для осмотра. Но и тѣ, кто знаютъ, относятся непростительно равнодушно. Это—художественное произведеніе громаднаго значенія, лучшій цвѣтокъ долгой эстетической культуры...

Джилярди—геній московскаго классицизма. Если бы человѣчество безпристрастно и одинаково внимательно оцѣнивало всѣ явленія своего прошлаго, его имя должно было бы войти въ скрижаль міровыхъ художественныхъ геніевъ. Возрожденный классицизмъ XVIII вѣка покорилъ всю Европу, начиная отъ Италіи и кончая Россіей и Швеціей. Онъ разбился на два основныхъ теченія—итальянское и французское, но тѣмъ не менѣе въ большинствѣ завоеванныхъ имъ странъ пріобрѣлъ своеобразныя мѣстныя черты.

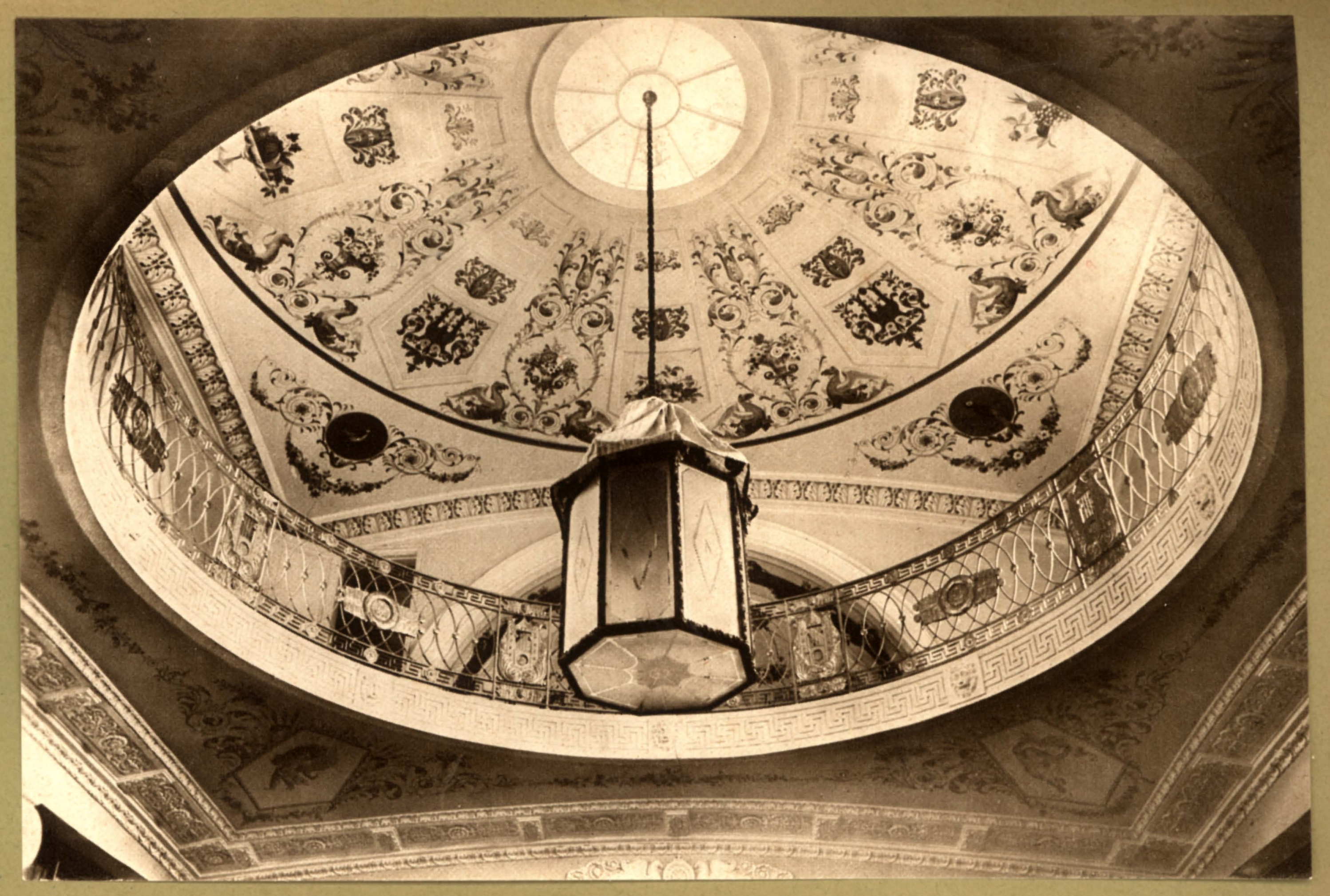
Даже въ предѣлахъ одной страны, какъ, напримѣръ, у насъ въ отношеніи Москвы и Петербурга, классицизмъ растекается на мѣстныя отвѣтвленія, неуловимо тонко отражающія психологію и бытовыя условія той и другой столицы. Русская архитектура классицизма—одно изъ наиболѣе самостоятельныхъ, оригинальныхъ, наиболѣе *классичныхъ* теченій возрожденнаго классицизма. При этомъ московская школа несомнѣнно оригинальнѣе петербургской: въ ней яснѣе отразились бытовыя особенности русской жизни.

Московскій классицизмъ не провинціальное искусство, интересное какъ курьезъ, какъ захолустный отзвукъ міроваго творчества; среди классическихъ теченій конца XVIII вѣка оно имѣетъ право занять одно изъ первыхъ мѣстъ.

Джилярди—самый поздній и самый величественный представитель его. Его прекрасное творчество представляется какимъ-то цвѣткомъ, явившимся въ результатѣ долгаго роста и накопленія силъ. Онъ ясно и твердо сказалъ то, что пытались высказать его предшественники, начиная съ Казакова. Дальше итти уже было некуда: художественное теченіе достигло своей высшей точки, дошло до своего логическаго конца; вполнѣ естественнымъ представляется поэтому неудовлетворенность тѣхъ, кто пришелъ на смѣну послѣднему классику, ихъ стремленіе выявить себя въ крутомъ разрывѣ съ традиціями.

Искусство движется неудовлетворенностью. Родоначальникъ художественнаго теченія намѣчаетъ новый эстетическій идеалъ; на пути къ воплощенію его онъ дѣлаетъ первые неудовлетворяющіе шаги. Его послѣдователи, ослѣпленные сіяніемъ того же идеала, приближаются къ нему неуловимыми чертами. Наконецъ, приходитъ завершитель, цвѣтокъ всего художественнаго теченія: ему удается найти формы, идеально воплощающія то, что смутно грезилось предыдущимъ поколѣніямъ. Дальше итти некуда—можно только механически повторять то, что сказалъ завершившій; наступаетъ пресыщеніе и искусство развивается въ иномъ направленіи...

Уже первымъ архитекторамъ-классикамъ, первымъ, очарованнымъ

Д. Джилярди. Куполъ дома Найденовыхъ на Садовой Земляномъ валу. 1820-е годы.

ритмичными видѣніями колоннадъ, рисовалась дивная гармонія массъ, застывшихъ въ какомъ-то, почти музыкальномъ, божественномъ ритмѣ. Имъ грезились пѣвучія колонны, но безсильныя руки воплощали лишь ихъ тихіе отзвуки. Только Джилярди, единственный изъ мастеровъ московскаго классицизма, свелъ на землю и züковалъ въ камни эту давнишнюю мечту.

Вотъ почему у его удавшихся произведеній нельзя указать никакихъ частныхъ недостатковъ, можно только отвергнуть все теченіе, къ которому принадлежалъ и онъ...

Въ ряду произведеній Джилярди домъ Найденова занимаетъ не исключительное, но во всякомъ случаѣ очень крупное мѣсто. Художественное наслѣдство Джилярди совсѣмъ недавно было принято потомками; еще нѣтъ полнаго инвентаря и каждый день приноситъ новыя скрытыя богатства.

Въ душѣ великаго мастера боролись двѣ мечты: одна—о пышномъ царственномъ искусствѣ, связывала его съ предшественниками и создавала нарядныя, какъ цвѣты, произведенія; другая, рожденная въ немъ самомъ, подсказывала величественные и простые образы, отбрасывала весь арсеналъ преемственно принятыхъ традицій и формъ, и давала впечатлѣніе красоты въ высшей, недостижимой ни для кого другого, гармоніи. Первая создала домъ Государственнаго банка на Никитскомъ бульварѣ, старое зданіе Московскаго университета, Опекунскій совѣтъ на Солянкѣ; вторая—Провіантскіе магазины на Зубовскомъ бульварѣ, Конный дворъ въ Кузьминкахъ, можетъ-быть, павильонъ въ Сухановѣ...

Домъ Найденова примыкаетъ къ первому настроенію Джилярди, но есть въ нѣкоторыхъ его частяхъ и проблески второго. Среди произведеній первой полосы онъ является самымъ полнымъ выраженіемъ искуства Джилярди, и для характеристики великаго архитектора онъ необходимъ такъ же, какъ необходимъ для М. Казакова Окружный судъ въ Кремлѣ.

Строя домъ Найденова, Джилярди получилъ такой просторъ для проявленія своего искусства, какой рѣдко выпадалъ на долю русскому художнику; создать цѣлую усадьбу — это громадная задача, открывающая полную свободу воображенію и творчеству.

Джилярди построилъ здѣсь домъ, выходящій фасадомъ на Садовую, прекрасный сходъ отъ него въ садъ, „концертный павильонъ“ и бесѣдку въ саду. Стиль усадьбы—торжественный, строгій.

Декоративныхъ сооруженій, созданныхъ исключительно для украшенія, нарочитой красоты нѣтъ. Пышный сходъ отъ дома мотивированъ высокимъ мѣстоположеніемъ дома. Онъ нуженъ и его красота не кажется вызывающей: вызовъ есть въ красотѣ, созданной исключительно для любованія, отдающей безсмысленной роскошью.

Красота, создаваемая Джилярди, даетъ впечатлѣніе царственнаго богатства именно потому, что онъ не разбрасываетъ ее, какъ мотъ. Каждый уголокъ Найденовскаго парка полнъ художественныхъ перспективъ, но

ни одна такая перспектива не создана для празднаго восхищенія, каждая служитъ прекрасному цѣлому усадьбы...

По типу домъ весьма близокъ къ болѣе популярному Опекунскому совѣту на Солянкѣ, построенному тѣмъ же Джилярди на нѣсколько лѣтъ позднѣе. Та же іоническая колоннада въ одинъ второй этажъ, поставленная на массивныхъ аркахъ, тотъ же куполъ съ многочисленными круглыми окнами, та же рустовка нижняго этажа. Во всѣхъ этихъ, довольно обычныхъ для московскаго классицизма начала XIX вѣка, формахъ нѣтъ ничего особеннаго. Но каждый безпристрастный человѣкъ, даже маловѣдующій въ архитектурѣ, не можетъ не замѣтить огромнаго благородства дома; каждая линія и каждая пропорція кажется совершенствомъ. Въ такихъ вершинахъ мастерства нѣтъ мѣста разбору, «критическимъ замѣчаніямъ»: можно только принять цѣликомъ или отвергнуть!

Художники классицизма отличались большимъ мастерствомъ во внутреннемъ украшеніи комнатъ. Декоративное искусство, превращающее человѣческое жилье въ художественное произведеніе, такъ пышно расцвѣтшее въ концѣ XVII вѣка и пережившее рядъ переломовъ въ теченіе всего XVIII столѣтія, нашло своихъ послѣднихъ волшебниковъ въ лицѣ классиковъ начала XIX. Затѣмъ декоративное искусство падаетъ и до нашихъ дней не можетъ возродиться.

Джилярди не менѣе удивителенъ въ архитектурѣ внутренней, чѣмъ во внѣшней. Онъ обладалъ великимъ даромъ, столь нужнымъ декоратору, быть неистощимо разнообразнымъ и гибкимъ. Актовый залъ Университета, залъ въ Черемушкахъ, залъ въ Порѣчьи гр. Уваровой, церковь Екатерининскаго института, наконецъ залы дома Найденова—все это можетъ показаться созданіями совершенно различныхъ художниковъ, такъ плѣнительно измѣнчивъ Джилярди.

Въ залѣ дома Найденова по его эскизамъ расписаны потолки; обширный куполъ, весь сотканный изъ свѣтлыхъ тоновъ, раскидывается легко и стройно. И красота эта, такая близкая къ жизни, обволакивающая ее, не можетъ, кажется, окружать мелкую и скучную жизнь: ушли люди прошлаго, осталась только созданная ими красота; думая о прошломъ, трудно не поддаться ея заступничеству, ея свидѣтельству, что создавшіе ее уже однимъ этимъ оправдали себя, сдѣлали вѣчнымъ и безспорнымъ свое лучшее!

Отъ дома въ паркъ ведетъ великолѣпный сходъ, «пандусъ» (pante douce) по терминологіи XVIII вѣка. Джилярди превосходно задумалъ и выполнилъ опускающуюся терассами дорожку, окаймленную мраморными вазами, законченную широкой каменной плитой со стерегущими львами. По силѣ впечатлѣнія, это сочетаніе бѣлаго мрамора вазъ и массивныхъ перилъ, эти уходящіе внизъ закругленные изгибы приближаются къ Архан-

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе“.

Д. ДЖИЛЯРДИ. ТЕРАССА ВЪ ПАРКѢ НАЙДЕНОВЫХЪ НА САДОВОЙ ЗЕМЛЯНОМЪ ВАЛУ. 1820-Е ГОДЫ.

гельскому. Строитель идеально использовалъ всѣ выгоды мѣстоположенія на склонѣ: съ терассы открываются далекія перспективы на городъ и долину Яузы, теперь весьма не привлекательную...

Стѣну дома, образующую выходъ въ паркъ, Джилярди отлично украсилъ своими типичными пріемами, и въ ней, пожалуй, единственный разъ въ домѣ Найденова, отдался своей второй мечтѣ—любви къ монументальной лаконичности и покою.

Послѣ загородныхъ подмосковныхъ домъ Найденовыхъ кажется особенно параднымъ, особенно прекраснымъ. Это впечатлѣніе создается той бережностью, которой окруженъ каждый уголокъ обширной усадьбы: дорожки вычищены и усыпаны пескомъ, паркъ расчищенъ, въ мраморныхъ вазахъ цвѣты; всѣ постройки очень много выигрываютъ отъ свѣжей, чистой окраски; нигдѣ ни одного слѣда столѣтняго существованія усадьбы. Вотъ если бъ такъ же старательно сохранялись всѣ созданія великихъ мастеровъ прошлаго, сколько бы радостной, сіяющей красоты сразу вошло въ жизнь!

Среди парка бѣлѣетъ нарядное зданіе. Съ трехъ сторонъ его стоятъ шестиколонные портики, образующіе одновременно крытыя террасы и выходы въ нижнемъ этажѣ и балконы въ верхнемъ; съ четвертой—полукруглый выступъ, тоже съ колоннами, очень близкій къ террасѣ дома въ Черемушкахъ. Назначеніе этого павильона—служить концертнымъ заломъ.

Во всей усадьбѣ Найденова концертный залъ, пожалуй, самое прекрасное. Все совершенство искусства Джилярди воплотилось въ этомъ непосредственномъ впечатлѣніи царственной роскоши, достигаемомъ въ сущности довольно простыми средствами: скульптурными фризами, дивнымъ рисункомъ рѣшетокъ на балконахъ, *звучностью* колоннадъ.

Джилярди никогда не давалъ такого богатства формъ. Провіантскіе магазины на Зубовскомъ бульварѣ и концертный залъ Найденовыхъ — вотъ два полюса его творчества. Величіе и богатство, простота и нарядность. Больше всего это разница впечатлѣнія, потому что архитектурныя массы у Джилярди всегда несложны; нарядность и богатство создается исключительно обиліемъ украшеній.

Концертный домъ Найденовыхъ сравнительно позднее произведеніе Джилярди, заключительный аккордъ московскаго классицизма. За пятьдесятъ лѣтъ его существованія создалась новая Москва—городъ большого масштаба, европейскаго вида. Всѣ эти пятьдесятъ лѣтъ плавно развивались художественные принципы, положенные первыми московскими классиками—В. И. Баженовымъ и М. Ѳ. Казаковымъ. Въ предѣлахъ между Окружнымъ судомъ Казакова и домомъ Найденова укладывается вся линія развитія московскаго классицизма.

Массы становятся все болѣе и болѣе простыми, логичными, классич-

ными въ своей сдержанности. Декораціи наоборотъ становятся все болѣе нарядными. Того впечатлѣнія ясности и монументальности, котораго требуетъ классическая эстетика, первые классики достигали суровой бѣлизной стѣнъ, отсутствіемъ какихъ бы-то ни было украшеній. Зрѣлые же мастера начала XIX вѣка уже умѣли достигать монументальности въ массахъ и не боялись нарядныхъ декорацій.

На одной изъ дорожекъ парка Джилярди поставилъ круглую бесѣдку «Миловиду». Онъ воспроизвелъ обычный московскій типъ, но сдѣлалъ его болѣе торжественнымъ и пышнымъ.

И контрастъ этого пышнаго искусства и деревьевъ парка необыкновенно выразителенъ! Въ загородныхъ усадьбахъ, въ ихъ «сельскихъ домахъ» нужны какія-то менѣе изысканныя формы, гармонирующія съ окружающей небогатой природой. Но въ городѣ, гдѣ каждое дерево парка среди шумныхъ улицъ и густо населенныхъ домовъ кажется предметомъ роскоши, прихотью, нужна величественная, парадная архитектура.

Чувствовалъ ли это различіе заданій великій необычайно чуткій мастеръ или случайность такъ дивно совпала съ необходимостью, но различіе архитектуры дачи Найденова и прочихъ городскихъ особняковъ, созданныхъ Джилярди, съ постройками Кузьминокъ, усадьбы, почти цѣликомъ обстроенной Джилярди, очевидно...

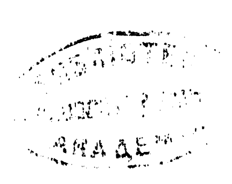
Имя Джилярди должно произноситься рядомъ со славными и широко извѣстными за послѣдніе годы именами Растрелли, Кваренги и Казакова. Домъ Найденова—лучшее доказательство этого...

Съ послѣдними мастерами классицизма ушла красота, окружавшая жизнь драгоцѣнной оправой. Искусство не умерло; на протяженіи XIX вѣка много явилось геніальныхъ произведеній живописи, скульптуры, иногда архитектуры. Все это музейныя творенія, оторванныя отъ жизни. Органическая же красота жизни, придающая опредѣленный отпечатокъ, стиль всей эпохѣ, исчезла съ земли въ началѣ XIX вѣка. Ее удается возсоздавать и теперь иногда, но именно возсоздавать, повторяя достиженія прошлыхъ вѣковъ.

Можно согласиться, что современное искусство, не служащее жизни, серьезнѣе, свободнѣе «прикладного» искусства прошлыхъ вѣковъ. Все же въ искусствѣ, преображающемъ земную жизнь въ волшебную сказку, есть огромная притягательная сила. И думается, что напряженный нынѣшній интересъ къ художественному творчеству прошлыхъ вѣковъ родитъ тоска объ искусствѣ, озаряющемъ жизнь...

Если таковъ путь грядущаго, то лучшими руководителями эстетическаго воспитанія человѣчества еще долго будутъ великіе мастера прошлаго. Самыми же вліятельными наставниками будутъ геніи классицизма: они творили въ эпоху наиболѣе близкую и понятную намъ!

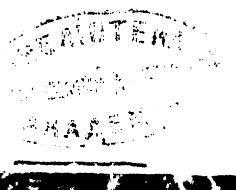
ОГЛАВЛЕНІЕ.

Списокъ иллюстрацій.

Суханово.

Домъ Найденовыхъ.

23